

Д-р. Хант

ВОСХОЖДЕНИЕ
НА
ЭВЕРЕСТ

Джон Хант

Восхождение на Эверест

1954

Хант Д.

Восхождение на Эверест / Д. Хант — 1954

Книга представляет собой описание английской гималайской экспедиции 1953 г., которой удалось достичь высочайшей вершины земного шара – Джомолунгмы (Эвереста). В книге рассказывается о подготовке экспедиции, ее снаряжении, технике подъема и трудностях, с которыми встретились участники экспедиции во время похода. В книге приводится краткий обзор предшествующих попыток восхождения на Джомолунгму, а также описание ландшафтов предгорьев и Гималаев. Большое значение для альпинистов имеют главы, в которых рассматриваются условия акклиматизации и способы разрешения «кислородной проблемы». Описание ведется живым языком и иллюстрировано хорошими фотографиями.

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ	5
ОТ АВТОРА	14
ЧАСТЬ I	15
Глава I	15
Глава II	19
ЧАСТЬ II	25
Глава III	25
Глава IV	56
Конец ознакомительного фрагмента.	68

ДЖОН ХАНТ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ЭВЕРЕСТ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Эверест, величайшая горная вершина мира, долго являлась недостижимым магнитом, который привлекал к себе мечты всех альпинистов.

В течение последних тридцати лет этот снежный гигант успешно защищался от попыток победить его. Лишь 29 мая 1953 г. новозеландцу Хиллари и непальцу Тенсингу (ныне гражданину Республики Индии), участникам английской экспедиции под начальством Ханта, удалось установить этот мировой рекорд.

Экспедиция 1953 г. явилась завершением десяти предшествовавших экспедиций, которые начиная с 1921 г. штурмовали Эверест. Только благодаря многолетнему опыту восходителей, поднимавшихся на большие высоты, удалось в 1953 г. победить эту неприступную вершину.

В книге Ханта приводятся лишь очень краткие данные о предшествовавших экспедициях, и поэтому, чтобы яснее представить себе, какие трудности встретились при восхождении и как они преодолевались, необходимо дать краткий обзор истории эверестских экспедиций.

Эверест был открыт более ста лет назад. В 1849 г. Геодезическая служба Индии произвела тригонометрическим путем определение высоты ряда недоступных вершин Гималаев, которые были обозначены номерами. Вычисления продолжались несколько лет, и в 1852 г. было установлено, что наиболее высокой из всех этих вершин является пик XV, высота которого была определена в 29002 фута (8840 м). Не выясняя, имеет ли этот пик местное название, англичане назвали его в честь организатора работ 1849 г. геодезиста Эвереста горой Эверест. Только в XX в. выяснилось, что местное население называет гору Джомолунгма («Богиня мать Мира»).

Позднейшие геодезические определения дали несколько более значительную цифру – 29141 фут (8882 м). Но определение высот в Гималаях сильно затруднено тем, что эта огромная горная страна имеет очень большую массу и чрезвычайно трудно точно установить форму геоида в ее пределах. Поэтому Геодезическая служба Индии и английские исследователи Гималаев придерживаются первоначального определения высоты Эвереста; эта цифра принята и в книге Ханта.

В советских географических изданиях большей частью указывается цифра 8882 м. В 1955 г. де Грааф-Хантер опубликовал в журнале Английского географического общества критический обзор всех выполненных до сих пор определений высоты Эвереста и на основании своих вычислений дал как наиболее точную высоту вершины горы над поверхностью геоида – 29 040 футов (8851,23 м). Этой цифре и надо отдать предпочтение.

До 1903 г. Эверест называли также Гауризанкаром, так как в 1857 г. известный путешественник Герман Шлагинтвейт сообщил, что высокая гора Гауризанкар, видимая из предгорьев Гималаев, и есть пик XV. Но в 1903 г. Вуд, работавший в Гималаях по поручению Геодезической службы Индии, установил, что эта горная группа лежит в 57 км к юго-западу от

Эвереста и представляет две самостоятельные вершины – пик XX, или Санкар, высотой 7143 м, и более низкий пик Гаури, или Парбач.

Теперь название этой горной группы передается на картах как Гаури-Санкар (или Занкар).

Несмотря на большой интерес к Эвересту у европейских альпинистов, до начала XX в. не удавалось организовать экспедиций в эту часть Гималаев. Эверест лежит на границе Непала и Тибета и ни та, ни другая страна не позволяла европейцам проводить исследования в этом районе.

Только в декабре 1920 г. далай-лама по настоянию вице-короля Индии дал разрешение на организацию первой английской экспедиции. Поэтому первые попытки восхождения на Эверест производились с севера, со стороны Тибета. Конечным пунктом, где снаряжались экспедиции, был город Дарджилинг в Западной Бенгалии, откуда наиболее короткий маршрут проходил сначала на север или северо-восток, огибая Непал с востока, а затем уже к западу по тибетской территории вдоль границ Непала. Весь путь от Дарджилинга до Эвереста равен 480 км.

Английское географическое общество и Английский альпийский клуб учредили специальный объединенный Эверестский комитет, который и организовал все десять английских экспедиций на Эверест.

Начальником первой экспедиции 1921 г. был полковник Говард-Бюри; кроме альпинистов, в ней принимали участие один геолог и два топографа. Эта экспедиция была чисто рекогносцировочной. Она выяснила, что из путей, ведущих с востока и севера к вершине Эвереста, наиболее удобен подъем по правой ветви ледника Ронгбук и затем – на Северную седловину горы. Было также установлено, что муссонная погода с ветрами и снегопадами в районе Эвереста начинается с 6—10 июня (на юге, в Индии, юго-западный муссон начинается с конца мая). Самое лучшее время для восхождения – это последние недели перед муссоном или первые после него, то есть в конце сентября. Очень важно также для восхождения состояние снега: до высоты 7000 м летом он тает, и поэтому образует довольно плотный покров, а на больших высотах, особенно выше 7500 м, он лежит в виде порошкообразной массы. В кулуарах и под утесами восходитель проваливается в снег до пояса и вскоре истощает все свои силы, пробивая путь вверх; на этих высотах всякая физическая работа чрезвычайно трудна.

В 1922 г. Эверестский комитет поручил руководство новой экспедиции генералу Брюсу – известному знатоку Гималаев. Восхождение было начато по намеченному в 1921 г. пути с севера. Груз от Дарджилинга перебросили сначала вьюком в Тибет, к северному склону группы Эвереста, далее его несли до нижних лагерей носильщики тибетцы, выше работали только носильщики непальцы из племени шерпа. Это племя во время всех эверестских и многих других гималайских экспедиций поставляло проводников и носильщиков. Горные жители – шерпы – легко привыкали к разреженному воздуху на больших высотах, и их смелости и выносливости гималайские экспедиции вообще и эверестские в частности в значительной степени обязаны своими успехами. Путь на вершину был проложен по правой ветви ледника Ронгбук и затем по крутому склону на Северную седловину (Чанг-Ла) Эвереста. Подъем на эту седловину по лавиноопасному и покрытому льдом склону оказался одним из самых опасных участков. Тем не менее восходителям удалось установить на седловине один из промежуточных лагерей и подняться далее вверх по Северному гребню и северному склону Эвереста. При первой попытке была достигнута высота 8138 м и при второй – 8321 м. До вершины оставалось, таким образом, только 519 м по высоте и менее 1 км по горизонтали. Дальнейшие попытки были прекращены сначала из-за болезни главных восходителей, а затем – из-за начала муссона. 6 июня было предпринято последнее восхождение с нижнего лагеря-базы на Северную седловину. В этом восхождении участвовали 3 англичанина и 14 носильщиков шерпов. На склоне в ста восьмидесяти метрах ниже седловины восходители были захвачены лавиной: верхние две

связки были увлечены лишь верхним слоем скользящего снега, и после того как лавина остановилась, могли из нее выбраться и выкопать людей двух нижних связок из глубокого снега. Из 9 носильщиков шерпов в нижних связках остались в живых только двое. Этот трагический опыт показал, что после начала муссона нельзя подниматься по лавиноопасным склонам. Из опыта экспедиции 1922 г. важно отметить, что Брюс и Финч поднялись до максимальной достигнутой ими высоты 8321 м в кислородных аппаратах.

В 1924 г. тот же генерал Брюс возглавил новую экспедицию, но вскоре заболел малярией и передал начальство Нортону. Подъем совершался по тому же пути, что и в 1922 г. Носильщики шерпы доставили груз на Северный гребень до высоты 8170 м, где был устроен шестой лагерь. Первую попытку дальнейшего восхождения (без кислородных аппаратов) предприняли Нортон и Sommerwell. Sommerwell принужден был отказаться от подъема на высоте около 8540 м из-за полного истощения сил, а Нортон прошел по склону еще триста метров и достиг высоты около 8573 м.

Следующая попытка в этом году была предпринята Меллори и Ирвином; они шли с тяжелыми кислородными аппаратами. Оба погибли, по-видимому, достигнув высоты около 8500 м, и не были найдены при поисках. В 1933 г. на склоне вершины Эвереста на этой высоте был найден ледоруб, принадлежавший Меллори или Ирвину; по-видимому, один из них поскользнулся и увлек за собой другого; оба скатились вниз по склону к леднику Ронгбук, лежащему на 3000 м ниже. Во время экспедиции от истощения в результате горной болезни и холода в лагере на леднике Ронгбук умер еще один из четырех офицеров, сопровождавших экспедицию, и от воспаления легких – один из тибетцев-носильщиков.

После трагической гибели лучших восходителей в 1924 г. больше не предпринималось попыток восхождения на вершину.

Экспедиция Брюса и Нортонa еще больше, чем предыдущая, доказала, что хорошая высотная акклиматизация людей происходит лишь до высоты 7000 м. Выше акклиматизируются очень немногие, но даже и они могут двигаться очень медленно; с высотой физические силы их падают и исчезают активность и интерес к восхождению. На больших высотах человек попадает в совершенно другие условия – низкое атмосферное давление, небольшая плотность воздуха, сильное солнечное облучение, особенно в ультрафиолетовой части спектра, низкая температура и незначительная влажность. Человеческий организм должен приспособиться к этой новой среде путем изменения дыхания и работы сердца и увеличения количества красных кровяных шариков. Большой опасностью является усиление испарения с поверхности кожи: тело как бы высыхает, и приходится пить большое количество жидкости, чтобы восстановить равновесие. Другое препятствие – охлаждение тела при низких температурах и сильных ветрах, почти постоянно дующих на высоких вершинах. Даже в яркие солнечные дни у восходителей нередко замерзали ноги при соприкосновении с холодным снегом.

Основываясь на опыте экспедиций 1922—1924 гг., многие альпинисты стали считать, что 8500 м – предел для восхождения без кислорода. Нортон и Sommerwell на этой высоте едва плелись, и Нортон не мог одолеть кулуара с сыпучим снегом. Кислород, как полагали, следует вдыхать с высоты 7000 м, постепенно увеличивая дозы. Но были и ярые защитники бескислородного подъема: они считали, что акклиматизировавшийся на высоте человек может подняться на вершину Эвереста без кислородного аппарата. В этом отношении был очень показателен пример геолога Оделла, который в 1924 г. при организации лагерей и поисках Меллори и Ирвина в течение четырех дней дважды поднимался в одиночку до высоты 8230 м. и спал одиннадцать ночей на высоте более 7000 м. без кислородного аппарата. Носильщики шерпы поднялись в 1924 г. до высоты 8170 м. также без кислородных аппаратов. Как уже отмечено выше, Нортон и Sommerwell достигли высоты, несколько превышающей 8500 м, также без кислорода.

Опыт 1924 г. доказал, что шерпы лучше европейцев акклиматизируются на высотах, выносливее и обладают большой смелостью и упорством в преодолении препятствий на больших высотах. Им не доставало только знакомства с техникой альпинизма. Поэтому успех всех последующих экспедиций зависел в значительной степени от того, до какой максимальной высоты носильщики шерпы доставят груз для последнего лагеря, из которого уже наиболее акклиматизировавшиеся из восходителей европейцев делали попытку преодолеть последний, самый изнурительный участок подъема.

В течение последующих восьми лет далай-лама снова не давал разрешения, и только в 1933 г. Эверестскому комитету удалось отправить экспедицию под начальством Раттледжа. К этому времени участники прежних экспедиций на Эверест уже по возрасту не годились для таких восхождений, и почти весь состав был новый. Подъем был произведен по тому же северному пути через Северную седловину. Носильщики шерпы доставили груз до высоты 8350 м; но при двух попытках европейцам не удалось достигнуть высоты более 8565 м. В этом году обычного двухнедельного затишья перед началом муссона не было, и страшные ветры мешали восхождению; восходители, так же как Нортон в 1924 г., не могли преодолеть сыпучего снега в кулуаре, по которому надо было пройти через зону утесов северного склона. Все восхождения 1933 г. были совершены без кислородных аппаратов.

В 1933 г. была организована и другая английская экспедиция в районе Эвереста – на самолете. Целью экспедиции было заснять район Эвереста с воздуха; кроме того, она должна была доказать превосходство новых английских самолетов «Пегас» над американскими при полете на больших высотах с большим грузом горючего. Два самолета экспедиции выполнили 3 и 19 апреля два полета над районом Эвереста, и при втором полете были сделаны хорошие аэроснимки.

В следующем (1934) году Эверест привлек полусумасшедшего англичанина Уилсона, который считал, что подъем может быть совершен после трехнедельного поста человеком, очищенным от земной скверны и укрепившим при помощи поста тело и дух. Он хотел пролететь из Индии на Эверест, посадить самолет на склоне горы и добраться до вершины пешком. Но его самолет был задержан в Индии английскими властями. Тогда Уилсон проник в Тибет, переодетый в тибетское платье, и с тремя проводниками шерпами достиг третьего базового лагеря предыдущих экспедиций. Отсюда он пытался подняться на ледопады Северной седловины. Но он не имел никакого альпинистского опыта, не умел прорубать ступени во льду, и в конце концов шерпы, опасаясь за свою судьбу, ушли домой. Уилсон некоторое время питался остатками продовольствия предыдущей экспедиции и повторял попытки восхождения на Северную седловину; в конце концов он умер от горной болезни и холода в третьем базовом лагере, где его труп и дневник были найдены экспедицией 1935 г.

Такие попытки отдельных европейцев – проникнуть без разрешения в Тибет и пройти тайком к Эвересту – повторялись еще дважды: в 1947 г. канадцем Денманом и в 1951 г. датчанином Ларсеном. И тот и другой нанимали в качестве носильщиков двух-трех шерпов (Денмана сопровождал шерп Тенсинг Норки, взойшедший в 1953 г. на вершину Эвереста). Оба смелых альпиниста прошли до третьего лагеря, но не смогли подняться на Северную седловину.

В 1935 г. ввиду позднего получения разрешения от тибетского правительства англичанам не удалось организовать экспедицию в домуссонный период – и была отправлена небольшая рекогносцировочная партия под начальством Шиптона. Она должна была выяснить, не изменяются ли условия восхождения в благоприятную сторону во время муссона или после него и не образуется ли плотный покров снега и во время муссона. Экспедиция поднялась в июле до Северной седловины; при спуске с нее оказалось, что часть склона, по которому они только что поднимались, снесена лавиной – и дальнейшие попытки были признаны опасными. Экспедиция использовала следующие два месяца для подъема на 26 вершин к северу, востоку и западу от Эвереста, в том числе на пять, превышающих 7000 м.

В 1936 г. была сделана попытка подняться на Эверест с севера. Экспедиция под начальством Раттледжа дошла до Северной седловины, но 22 апреля – необычайно рано – начался муссон, и при подъеме на седловину Шиптон едва не погиб в лавине. Дальнейшие попытки восхождения были оставлены.

В 1938 г. экспедиция под начальством Тильмана снова направилась по северному пути. Шестой лагерь был организован на высоте 8290 м, куда носильщики шерпы внесли груз, не пользуясь кислородными приборами. Подъем к вершине не осуществился из-за сильного мороза и глубокого сыпучего снега, заполнявшего впадины. При этой экспедиции были испробованы кислородные приборы закрытого и открытого типа; последние оказались удобнее.

После мировой войны тибетское правительство не давало разрешения на организацию экспедиции, но под давлением англичан непальское правительство начало разрешать экспедиции в Непал; в 1950 г. английские и французские экспедиции изучали восточный Непал, и французы поднялись на пик Аннапурна высотой 8075 м. Это был первый восьмитысячник, взятый альпинистами. Осенью 1950 г. небольшой американской экспедиции было разрешено подойти к Эвересту с юга. В течение 5 дней экспедиция (в которой участвовал англичанин Тильман, уже поднимавшийся на Эверест) ознакомилась с южным склоном горного массива.

Южный путь на Эверест в то время считался очень трудным и опасным на основании наблюдений экспедиций 1921 и 1935 гг., участники которых могли видеть отдельные отрезки этого пути при подъеме на вершину Эвереста. Меллори писал в своем дневнике о трог ледника Кхумбу, что это наиболее ужасное зрелище из всех, когда-либо представлявшихся человеческому взору.

Но изучение аэрофотоснимков и фотографий показывало, что верхняя часть пути по пирамиде вершины Эвереста легче, чем на северном ее склоне. Поэтому имело смысл преодолеть трудности пути внизу, чтобы обеспечить более легкий подъем на самом изнурительном участке выше 7000 м.

В 1951 г. Эверестский комитет организовал экспедицию под начальством Шиптона для изучения южных вариантов путей на вершину Эвереста. Было решено подняться по леднику Кхумбу, который спускается от пирамиды Эвереста на запад. Экспедиция почти преодолела огромный грозный ледопад в среднем течении ледника, но была остановлена глубокой и широкой трещиной, пересекавшей ледник от края и до края в верхней части ледопада. Затем была изучена горная страна к востоку, северо-западу и западу до горной группы Гаури-Санкар. Наиболее удобный путь на вершину Эвереста был намечен далее вверх по леднику Кхумбу, через его левую ветвь и Южную седловину и затем вверх по Юго-Восточному гребню. Но позднее время года (экспедиция достигла района Эвереста после муссона в сентябре) не позволило осуществить этот план в том же году. По этому пути, намеченному в 1951 г., прошли две следующие экспедиции – швейцарская в 1952 г., которую финансировала Швейцарская организация содействия альпийским исследованиям, и английская – Эверестского комитета – в 1953 г.

В швейцарской экспедиции под начальством Висс-Дюнана в отличие от английских участвовали и научные работники – геолог, ботаник и этнограф. Ледопад ледника Кхумбу и в 1952 г. оказался невероятно трудным для прохождения, с огромными трещинами, пересекающими весь ледник; путь по склонам трога слева и справа вдоль ледника был невозможен из-за частого падения лавин.

Преодолев ледопад, восходители прошли по Западному цирку, затем поднялись на Южную седловину и отсюда двинулись вверх по Юго-Восточному гребню. На высоте 8405 м был устроен последний лагерь, где швейцарский проводник Ламбер и шерп Тенсинг Норки провели ночь без спальных мешков и примуса. На следующий день они поднялись до высоты 8600 м, но идти далее не могли – кислородные аппараты закрытого типа оказались неудачной конструкции и ими можно было пользоваться только на стоянках, но не на ходу. Ламбер и Тенсинг должны были отдыхать после каждых трех шагов.

Осенью того же года швейцарская экспедиция сделала новую попытку восхождения, но на Юго-Восточном гребне их остановил сильный ветер при 40° мороза. Во время этого восхождения на подъеме к Южной седловине был убит упавшей глыбой льда один из носильщиков шерпов.

Швейцарская экспедиция, таким образом, проложила путь почти до самой вершины. Подтвердилось предположение, основанное на изучении фотографий, что южный склон самой пирамиды Эвереста для подъема гораздо лучше, чем северный – на последнем несколько высоких гряд утесов надо было обходить по склону и затем подниматься по заполненным сыпучим снегом кулуарам. На высоте 8000 м эти препятствия, как показали предыдущие экспедиции, были непреодолимыми. Наиболее труден на южном пути оказался ледопад на леднике Кхумбу, на преодоление которого тратилось несколько дней, но он лежит на высоте всего 5200—5800 м, где физическая работа не требует таких невероятных усилий, как на вершине Эвереста.

Участники швейцарской экспедиции пришли к выводу, что подъем выше 8500 м без кислородных аппаратов невозможен. Кислород надо применять систематически, а не только во время последнего штурма вершины. Необходимо также, чтобы верхние лагеря были организованы людьми, не принимающими участия в последнем восхождении. Одной из причин неудач Ламбера и Тенсинга является то, что они сами организовали три верхних лагеря и провели, кроме того, бессонную ночь на морозе без спальных мешков и почти без пищи в маленькой палатке последнего лагеря. По мнению Висс-Дюнана, выше Южной седловины (7880 м) человек может оставаться безнаказанно не более трех суток. Как подтвердила и эта экспедиция, горная болезнь и чрезвычайные усилия, которые требуются от человеческого организма для работы в условиях кислородного голодания при подъеме выше 8000 м, настолько истощают человека, что только последующий отдых на высоте ниже 5000—6000 м в течение двух-трех недель может восстановить его силы и позволить совершить новый подъем.

В 1952 г. англичане также хотели организовать экспедицию на Эверест, но так как туда поехали швейцарцы, то Эверестский комитет послал в этом году только тренировочную партию; ее целью было восхождение на вершину Чо-Ойю (высотой 8187 м), расположенную в 35 км к западу-северо-западу от Эвереста. При этом восхождении предполагалось проверить на практике кислородные аппараты и подготовить людей к восхождению на Эверест. Начальник экспедиции Шиптон, который видел издали южные склоны Чо-Ойю при подъеме на Эверест, считал, что на эту гору можно взобраться с юга, но оказалось, что путь этот невозможен, и участники экспедиции поднялись только до высоты 6858 м. В состав этой экспедиции был включен врач, который вел наблюдения над участниками экспедиции для изучения горной болезни и выяснения явлений высотной акклиматизации.

Экспедиция 1953 г. под начальством Ханта не только использовала опыт предыдущих экспедиций, но и включала ряд людей, уже привыкших к восхождениям на высокие пики Гималаев, а путь почти до самой вершины Эвереста был уже изучен швейцарской экспедицией 1952 г.

История эверестских экспедиций показывает, насколько труден подъем на высотах выше 8000 м; уже экспедиция 1922 г. поднялась до 8321 м, а на преодоление остающихся 500 м понадобилось целых 30 лет. Только более высокое техническое оснащение и превосходная организация позволили, наконец, десятой английской экспедиции в 1953 г. победить Эверест.

Одновременно с экспедицией Ханта в западном конце Гималаев в хребте Панги австро-немецкая экспедиция под начальством врача Херрлигкоффера поднималась на другой из восьмитысячников – Нанга-Парбат (8126 м). Экспедиция эта еще больше подчеркивает, насколько важны для высокогорных восхождений хорошая организация, спаянный коллектив и использование кислорода. Несмотря на то, что гора Нанга-Парбат имела мрачную славу – во время предшествовавших попыток восхождения погиб в общем 31 человек: альпинисты, научные

сотрудники и носильщики (на Эвересте с 1921 по 1952 г. погибло 12 человек) – экспедиция 1953 г. была организована недостаточно осмотрительно.

Восходители на Нанга-Парбат были подобраны не по действительным их достоинствам, а по их прошлой славе; коллектив не был достаточно спаянным и дисциплинированным, и вскоре начались раздоры, мешавшие правильному распределению сил. Во главе экспедиции стоял врач, а не альпинист. Кислород использовался только в крайних случаях – при болезни восходителей. Наконец, эта экспедиция лишний раз доказала, какое огромное значение имеют для успешного восхождения шерпы. В распоряжении экспедиции были только непривычные к большим высотам жители Кашмира, которые в конце подъема могли нести очень мало груза. Все эти недостатки организации привели к тому, что последний лагерь V удалось разбить на высоте всего лишь 6900 м. Из пришедших туда четырех альпинистов и трех носильщиков могли остаться ночевать только двое – так мала была палатка. Утром 3 июля один из восходителей, Кемптер, из-за горной болезни был не в силах начать восхождение. Герман Буль вышел один в 2 часа утра. Ему предстояло подняться на 1226 м, причем он должен был пройти большое расстояние по снежно-ледовым склонам и по дороге преодолеть глубокую седловину. В 7 часов вечера он достиг вершины Нанга-Парбата, и после получасового отдыха, спустившись на 150 м, остался ночевать на склоне – без палатки и спального мешка. В 4 часа утра 4 июля он двинулся дальше и к вечеру достиг лагеря V, совершенно истощенный и измученный горной болезнью. Только необычная выносливость Буля и превосходная безветренная погода позволили выполнить это исключительное в истории альпинизма восхождение.

Сравнение этих двух гималайских экспедиций 1953 г. показывает, что английская эверестская экспедиция действительно может служить образцом для организации восхождений на большие высоты. Опыт ее был использован при последующих восхождениях на семи- и восьмьютысячники Гималаев.

В следующем, 1954 г., итальянской экспедицией профессора Миланского университета геолога Децио 31 июля было совершено восхождение на вторую по высоте вершину мира – Чогори (другие названия этой горы – Дапсанг, Годуин-Остен и пик К-2) в Каракоруме, высотой 8610 м.

Экспедиция была организована как комплексная – в ней участвовало, кроме самого Децио, еще четыре ученых, которые вели в более низких частях хребта геологические, этнографические, археологические и гляциологические исследования и произвели магнитные, астрономические и гравиметрические измерения. Восходителей было 11 человек, из них на вершину пика 31 июля поднялись только двое – Компаньоли и Лачеделли.

В том же году австрийская экспедиция поднялась на Чо-Ойю (высота которой определена в 8158 м).

В 1955 г. Эванс (который в 1953 г. штурмовал Эверест в первой двойке) руководил английской экспедицией на гору Кангченджунга (8580 м) в восточных Гималаях в Сиккиме – третью по высоте вершину мира (ее название в переводе значит «Пять священных сокровищ снегов»). 25 мая участники экспедиции поднялись на вершину. В этом восхождении из членов эверестской экспедиции 1953 г. участвовал еще Бенд; руководителем шерпов был Дава Тенсинг.

В том же 1955 г. французская экспедиция под начальством Франко совершила восхождение на четвертую вершину мира – грозный пик Макалу (8470 м). Это восхождение замечательно тем, что все девять восходителей – участников штурма – поднялись на вершину.

Как отмечено выше, решающее значение для успеха большинства гималайских экспедиций имело участие в них носильщиков из племени шерпа. Успеху эверестской экспедиции 1953 г., безусловно, очень много помогло, кроме того, личное участие шерпа Тенсинга Норки (в книге Ханта просто Тенсинг; другие его имена Тенсинг Кхансапа и Тенсинг Бхутиа). Тенсинг родился в Непале, но впоследствии переселился в Дарджилинг (в Западной Бенгалии) и

стал гражданином Республики Индии. Он наиболее выдающийся из шерпов, участвовавших в эверестских экспедициях. До 1953 г. Тенсинг уже шесть раз поднимался на Эверест: в 1935, 1936, 1938, 1947 гг. и дважды в 1952 г. и принимал участие, в общем, в одиннадцати гималайских экспедициях. После своего восхождения на Эверест с швейцарским проводником Ламбером в 1952 г., когда они поднялись до высоты 8600 м, он сделался одним из крупнейших альпинистов мира. В экспедиции 1953 г. он не только руководил шерпами-носильщиками, но был включен во вторую штурмовую двойку: англичанам, которые до этого времени ревниво следили за тем, чтобы мировой рекорд восхождения на Эверест сохранился за англичанами, было уже неудобно отстранить наиболее опытного из восходителей – Тенсинга.

После того как вместе с Хиллари Тенсинг поднялся на вершину Эвереста, он в глазах непальцев и индийцев стал национальным героем. По всенародной подписке в Индии и Непале для него и его семьи был построен небольшой дом в Дарджилинге. Индийское правительство организовало в Дарджилинге школу альпинизма для шерпов, и Тенсинг, пройдя в 1954 г. практический курс альпинизма в Бернских Альпах в Швейцарии, был назначен директором школы. Ассоциация шерпов избрала его своим председателем. После восхождения на Эверест Тенсинг вместе с Хиллари, Хантом и другими участниками экспедиции присутствовал на торжественных приемах в Непале, Индии и Англии. Он получил орден звезды (высший непальский орден), высшие отличия в Индии, медаль Георга в Англии, медаль Хаббарда – высшую награду Национального Географического Общества США – и др. Город Шамони в Савойских Альпах, известный издавна своими альпийскими проводниками, избрал Тенсинга почетным гражданином.

Другой из победителей Эвереста, Хиллари, новозеландский пчеловод, вернулся к своим ульям, но скоро его опять потянуло в горы. В 1954 г. он организовал альпинистскую экспедицию в Гималаи, целью которой было восхождение на ряд еще не взятых вершин главного хребта между Эверестом и Макалу. Участникам экспедиции удалось подняться на 23 новых пика, из них 19 превосходили 6000 м. Но для самого Хиллари экспедиция закончилась неудачно. Во время движения по леднику один из альпинистов упал в трещину ледника и получил тяжелые повреждения. Хиллари, которому сообщили о несчастье, спустился в трещину, чтобы наладить подъем. Когда шерпы вытаскивали обратно Хиллари, они придавили его к верхнему карнизу трещины и сломали ему несколько ребер. Несмотря на это, Хиллари остался в ближайшем высотном лагере и собирался даже продолжать восхождения, но через месяц почувствовал себя плохо и ему пришлось вернуться в Индию. Хиллари в ноябре 1955 г. выехал в Антарктику для участия в трансантарктической экспедиции 1955—1958 гг., организованной Британским содружеством наций.

Из описания истории эверестских английских экспедиций видно, что единственной их целью было – поставить мировой рекорд подъема на высочайшую вершину земного шара. В то время как в швейцарской экспедиции 1952 г. участвовали три натуралиста, только в первую английскую экспедицию 1921 г. был включен геолог, а все дальнейшие состояли только из альпинистов и носильщиков. Геолог Оделл, участвовавший в экспедиции 1924 г. как один из лучших восходителей, фактически не мог заниматься геологическими исследованиями. Таким образом статьи физиолога Пафа с изложением наблюдений над высотной акклиматизацией – вот весь научный результат десяти дорогостоящих экспедиций за истекшие 30 лет, не считая детальной топографической съемки пограничной полосы Непала и Тибета и района Эвереста. Остается пожелать, чтобы теперь, когда мировой рекорд поставлен и взят не только Эверест, но и ряд следующих за ним по высоте вершин, дальнейшие гималайские экспедиции ставили бы себе более широкие научные задачи.

В книге Ханта, которая выпускается теперь в русском переводе, описан очень подробно весь ход экспедиции. Автор дает много сведений об организации восхождения, техническом оснащении и шаг за шагом разбирает все детали штурма. Поэтому его книга имеет большое

значение как практическое руководство для восхождения на высокие вершины. Но вместе с тем книга будет интересна и для широких кругов советских читателей, так как она дает красочное и часто захватывающее изложение одного из самых смелых и опасных человеческих предприятий.

Перевод книги Ханта сделан с 4-го английского издания 1954 г.; первое издание вышло в ноябре 1953 г. В 1954 г. – под другим названием: «Покорение Эвереста» («The conquest of Everest») – та же самая книга была выпущена в США, где выдержала несколько изданий. Английское издание отличается от американского тем, что в нескольких местах указан еще ряд фамилий лиц, так или иначе помогавших экспедиции. В 1953 г. вышел и французский перевод.

Кроме этих книг, Хант опубликовал несколько сокращенных изданий – для детей и взрослых. В зарубежных географических журналах и в общей прессе было опубликовано большое количество статей Ханта, Хиллари и других участников восхождения. В 1955 г. вышли на английском языке автобиографические книги Хиллари и Тенсинга. В связи с большим интересом к Эвересту и к Гималаям за рубежом был выпущен в 1953—1955 гг. ряд книг о предшествовавших восхождениях на Эверест и об экспедициях в другие части Гималаев¹.

С. В. Обручев.

¹ В переводимой на русский язык книге Ханта «Восхождение на Эверест» географические названия даются в транскрипции Большого атласа мира 1954 г.; когда в атласе нет упомянутых в книге Ханта географических названий по европейским странам и США они транскрибируются согласно правилам, принятым для атласа. Что касается географических названий Индии, Тибета и Непала, то в книге Ханта, как вообще на английских картах и других изданиях, для них принята транскрипция, выработанная «Постоянным комитетом по географическим названиям» при английском географическом обществе (опубликована в «Geographical Journal», 1921, № 1). Поэтому мы транскрибируем все многочисленные местные названия, которых нет в Большом атласе мира, согласно этим правилам. В трех случаях пришлось отступить от транскрипции атласа, так как она неудачна, и принять: Кангченджунга – вместо Канченджанга Гаури-Санкар – вместо Гаури-Занкар Намче-Базар – вместо Найнче-Базар. Следует отметить, что в Большой советской энциклопедии названия некоторых гималайских вершин даны в другой транскрипции, чем Большом атласе мира (Чомолунгма, Годвин-Остен, Кинчинджунга). В английских книгах о Гималаях можно также найти различные транскрипции некоторых названий – например ледник Кхумбу у Маррея назван "Кхомбу" и т. п. Имена и фамилии транскрибированы согласно изложенным выше правилам. Названия английских учреждений и торговых компаний даны в форме, принятой в словаре английских и американских сокращений Е. В. Алешина, В. О. Блужштейн и Ю. В. Семенова (2-ое изд. 1954 г.).

ОТ АВТОРА

Хотя эта книга и написана мной, она в действительности является коллективным творчеством всех членов английской экспедиции 1953 г. на Эверест. Все мы были творцами истории покорения Эвереста и вместе переживали описываемые здесь события. Поэтому, в первую очередь, я должен выразить признательность моим товарищам по экспедиции: тем, кто прочел рукопись и помог мне ценными советами и уточнением фактов; тем, кто составлял приложения к книге. Я глубоко благодарен Грегори и Лоу, которые помогли мне выбрать фотоиллюстрации из нашей многотысячной коллекции, Эвансу, чьи зарисовки пером так оживили некоторые мои бледные описания. Особенно же я в долгу перед Хиллари, написавшем столь волнующую главу о конечном этапе восхождения.

Многим я обязан также моей жене. Помощь ее была неоценима. Она вдохновляла и ободряла меня в течение всей экспедиции. Она же помогала мне писать эту книгу. По поручению Объединенного Гималайского комитета Б. Р. Гудфеллоу прочел рукопись, и его ценные советы помогли мне уточнить описываемые события и помещенные в книгу карты. В этом помогали также и другие лица: Джоан Кемп-Уэлч, Харольд Харлей из Найтона, преподобный Джек Уилльямс из Стоу, а также Ленвейр Уотердайн. А. У. Бридж составил прекрасную записку по изготовлению кислородного оборудования, которая явилась весьма полезным источником информации и запечатлеет для будущего проделанную в этой области работу.

Командование военно-воздушных сил Индии было настолько любезно, что разрешило мне воспользоваться прекрасными аэрофотоснимками, сделанными во время полета над Эверестом, вскоре после того как мы покинули его. Особенно приятно мне отметить, что кроки стены Лходзе выполнены моим другом У. Хитонем Купером, который так блестяще сумел передать характерные черты Эвереста. Образцовыми являются карты, составленные Холлендом из Королевского Географического Общества.

Приношу благодарность Швейцарской организации содействия альпийским исследованиям, сообщившей нам правильную транскрипцию имен наших шерпов. Этой транскрипцией я пользовался на протяжении всей книги. Исключение составляет лишь имя Тенсинга, которое я пишу так, как хотелось ему самому. Я также учитывал все данные, которые были нам сообщены швейцарцами о высоте расположения их лагерей, а также о высотах некоторых других достигнутых ими на Эвересте пунктов. Однако, основываясь на опыте тех, кто достиг обеих вершин Эвереста, члены английской экспедиции сочли необходимым в отдельных случаях несколько изменить эти данные.

Настоятельно требовалось возможно быстрее рассказать об экспедиции, и книга была написана менее чем за месяц. Это было бы невозможно без самоотверженной помощи Эльси Херрон, любезно выделенной для этой цели моими издателями Ходдером и Стаутоном. Она переписывала рукопись на машинке, читала и правила гранки, вела всю переписку, связанную с изданием книги, и многими другими путями содействовала ее появлению в свет. Всем этим лицам я приношу благодарность.

Джон Хант.

Найтон, Радноршир,
август 1953 г.

ЧАСТЬ I ПРЕДПОСЫЛКИ

Глава I ИЗ ПРОШЛОГО

Это рассказ о том, как 29 мая 1953 г. два человека, обладающие исключительной выносливостью, высоким мастерством и непреклонной решимостью, поднялись на вершину Эвереста и благополучно вернулись к своим товарищам.

Рассказ этот, однако, будет далеко не полным. Ведь восхождение на Эверест не было делом одного дня или даже плодом тех незабываемых, полных волнения недель того лета, когда велась подготовка и осуществлялось восхождение. В сущности, история покорения Эвереста – это рассказ о последовательных настойчивых попытках многих людей в течение долгого времени. Пытаться осветить полностью всю длительную драматическую эпопею в рамках этой книги значило бы чрезмерно расширить объем книги и сделать ее скучной или несправедливо умолчать о роли некоторых участников. Кроме того, ранние этапы борьбы за Эверест были в свое время подробно описаны и обобщены другими авторами, поэтому я напомним о них лишь в самых общих чертах.

Прошло более тридцати лет со времени первой экспедиции, посланной на разведку Эвереста с серьезным намерением совершить затем попытку восхождения на ее вершину. С той поры, с 1921 г., не менее одиннадцати крупных экспедиций следовали одна за другой, причем восемь из них ставили своей целью достижение вершины. Три из этих экспедиций были наиболее близки к успеху. В 1924 и 1933 гг. четыре английских альпиниста, а в 1952 г. местный житель из племени шерпа вместе с одним швейцарцем почти достигли вершины – им оставалось не более трехсот метров; однако они вынуждены были отступить, исчерпав до конца свои силы или побежденные непогодой и тяжелыми снежными условиями. Кроме этих экспедиций, штурмовать Эверест пытались несколько мелких групп и даже отдельные альпинисты. Нельзя забывать и о том, что эти попытки стоили нескольких человеческих жизней.

До последней мировой войны все попытки восхождения на Эверест предпринимались с севера, после длинного и утомительного пути из Индии через Тибет. В то время границы далекого Тибета были открыты для нас, а его духовный и светский правитель, далай-лама, благожелательно относился к тому, что мы интересовались горной группой Джомолунгма, хотя и ему и его подданным наши намерения могли показаться странными. Для экспедиций тех лет стало традицией получать благословение настоятеля знаменитого буддийского монастыря Ронгбук, расположенного у подножья северных склонов Эвереста. Затем в 1951 г. в Тибете имели место глубокие политические изменения, и наши надежды на возобновление попыток восхождения с севера значительно уменьшились.

О южных склонах Эвереста тогда было известно очень мало. В 1921 г., во время первой разведки подступов к вершине с севера, Меллори удалось издалека увидеть ледопад Кхумбу. Западный и южный склоны массива не просматривались, путь по ледопаду казался весьма сложным. Меллори пришел к выводу, что вряд ли можно было подняться на вершину с юга. Это впечатление было позднее подтверждено членами разведывательной экспедиции 1935 г.

Южные склоны Эвереста расположены в Непале. Правительство этого королевства открыло границы для иностранцев лишь с 1949 г. До этого времени разведка пути с юга была исключена, если не считать данных, полученных при мимолетном осмотре издалека. Поэтому тот день, когда появилась возможность произвести такую разведку, стал важной вехой в исто-

рии альпинизма. Несмотря на то, что предыдущие заключения были неутешительными, альпинисты не замедлили воспользоваться удобным случаем для более подробного исследования южного варианта пути. Ведь к альпинизму, пожалуй, больше чем к любой другой области человеческой деятельности применимо золотое правило: не терять драгоценного времени и, ни в коем случае не смущаясь неблагоприятными выводами предшественников, стараться самим прощупать каждое препятствие.

В 1950 г. небольшая англо-американская экспедиция прибыла в Непал, чтобы произвести разведку подходов к Эвересту с юга. В ее состав входили Чарльз Хаустон, руководитель американских экспедиций на пик К-2 (8610 м) в 1938 и в 1953 гг., и Тильман, начальник последней довоенной британской экспедиции на Эверест. Эта экспедиция из-за недостатка времени не успела продвинуться достаточно далеко и возвратилась, полная сомнений, – лукавый Эверест скрыл от них уязвимые места в своей броне. Из отчета экспедиции было невозможно сделать необходимые выводы, так что имелись все основания для организации повторной, более детальной разведки. Летом 1951 г. отправилась вторая экспедиция, организованная по инициативе М. П. Уорда, У. Маррея и К. Секорда и руководимая прославленным ветераном предвоенных экспедиций на Эверест Эриком Шиптоном. Целью этой экспедиции было также изучение подступов к вершине с юга и попытка преодоления препятствий на этом пути. Альпинисты не возлагали больших надежд на эту разведку. Однако она увенчалась блестящим успехом: группа не только наметила возможный путь на вершину, оказавшийся впоследствии наиболее правильным, но и прошла один из наиболее трудных участков этого пути. Открытие вполне приемлемого, по-видимому, пути к вершине вызвало сенсацию в альпинистских кругах. Данными разведки поспешили воспользоваться швейцарцы; весной и поздней осенью 1952 г. они предприняли две замечательные попытки восхождения; ценой невероятных лишений два члена экспедиции – альпийский проводник Ламбер и шерп Тенсинг достигли примерно той же высоты на Юго-Восточном гребне, что и Нортон на северном склоне горы за двадцать восемь лет до этого.

Тем временем мы готовились к тому, чтобы прийти на смену швейцарцам в случае их неудачи. Летом 1952 г. тренировочная экспедиция, возглавлявшаяся Эриком Шиптоном, в состав которой были включены предполагаемые участники восхождения на Эверест, прибыла в Гималаи. В задачи этой экспедиции входили тренировка к будущему штурму Эвереста, испытание кислородной аппаратуры и изучение физиологических проблем, связанных с восхождениями на большие высоты. Выполняя это задание, участники экспедиции попытались взойти на одну из высочайших гималайских вершин – Чо-Ойю (8187 м), а также исследовали дикую, никем до того не посещенную долину. Испытание кислородных приборов оказало большое влияние на разработку конструкции нашего оборудования, а результаты физиологических исследований были использованы нами для составления собственной программы подготовки людей. Таким образом во время экспедиции на Чо-Ойю Шиптон и его группа внесли ценный вклад в дело покорения Эвереста.

Итак, разведка 1951 г., две попытки швейцарцев и испытания, проведенные на Чо-Ойю, были последними вехами перед решающим штурмом вершины. Ценный опыт всех четырех экспедиций, трудности и лишения, испытанные их участниками, заставляли меня трезво смотреть на действительность и определяли характер наших планов. Однако они же и вдохновляли нас, звали вперед к заветной цели.

Без упоминания об этих простых событиях нельзя было бы правильно определить значение нашей экспедиции. Наше предприятие не было чем-то новым; в конце концов оно явилось лишь завершением цепи событий, большая часть которых была пережита и описана задолго до нас. Когда в 1952 г. швейцарцы включились в борьбу за Эверест, они признавали, что многим были обязаны опыту прежних английских экспедиций. Особо признательны они были экспеди-

ции, руководимой Шиптоном, которая в 1951 г. впервые исследовала возможности восхождения с юга. Сразу после своего возвращения швейцарские альпинисты поделились с нами своим ценным опытом и предоставили нам сведения, полученные при попытках восхождения. Таким образом, можно считать, что мы, следовавшие за ними, уже прошли большую часть трудного пути к вершине, так как опыт, накопленный нашими предшественниками, был действительно чрезвычайно ценным.

Мы можем гордиться тем, что из одиннадцати экспедиций на Эверест девять были английскими. Но не следует забывать и того, что мы пользовались в Индии привилегированным положением, что облегчало англичанам в период между двумя мировыми войнами доступ к Эвересту. Мы должны быть также благодарны альпинистам других стран, которые на обширной арене Гималаев всегда признавали за нами право первовосхождения на Эверест, завоеванное в непрестанной борьбе. В эти годы существовало как бы неписаное соглашение о том, что восхождения на некоторые высочайшие вершины Гималаев должны являться делом экспедиций определенной нации.

Мы рассматривали свою задачу отнюдь не как гигантское соревнование, в котором мы старались бы превзойти усилия предыдущих экспедиций, сколь бы ни был привлекателен такой подход. В действительности длительные попытки покорения сложной вершины принципиально отличаются или должны отличаться от спортивного соревнования. Наиболее правильным будет сравнение с эстафетным бегом, где каждый член команды, преодолев свой участок пути, передает палочку следующему, пока не будет пройдена вся дистанция. В 1952 г. швейцарские альпинисты приняли эстафету знаний и опыта из рук последнего в длинном ряду британских восходителей и, блестяще пройдя свой участок, в свою очередь передали ее нам, которым посчастливилось завершить эту исключительную эстафету; но если бы нам не удалось дойти до финиша, мы передали бы наш опыт французским товарищам, готовившимся прийти нам на смену.

Однако эта борьба человека с вершиной выходит за рамки альпинизма в его чисто спортивном понимании. В моих глазах она является символом борьбы человека с силами природы; в ней ярко выражены непрерывность этой тяжелой битвы и сплоченность всех, кто принимал в ней участие. Нашим противником была не другая группа альпинистов, а сам Эверест.

Эта книга – не только повесть о двух смельчаках, достигших вершины. Всякое нормальное и успешное восхождение в своей основе является делом коллектива. Конечно, некоторые маршруты по скалам Англии или на вершинах альпийских масштабов могут быть безопасно пройдены двумя альпинистами без всякой помощи извне. Но даже в этом случае действует коллектив: два восходителя связаны веревкой, и она служит не только для взаимного обеспечения безопасности, но как бы символизирует единство их цели. Каждый в связке выполняет свою важную часть общей работы: ведущий выбирает и подготавливает путь, второй несет снаряжение, страхует ведущего, следит за его продвижением, дает советы, поправляет, если нужно, вырубленные ступени. Чем выше и сложнее вершина, тем более спаянным и целеустремленным и, вероятно, более многочисленным должен быть коллектив. Восхождение на Эверест – высочайшую вершину мира – сложнейшее из всех альпинистских предприятий и, чтобы добиться успеха, мы должны были не только проникнуться духом единства с нашими предшественниками, но и добиться его в своей экспедиции.

В любом правиле существуют исключения, и Эверест мог быть одним из таких исключений. Мы считали, что в определенных благоприятных условиях могло оказаться возможным и даже необходимым, чтобы последний короткий участок пути к вершине был бы преодолен одним восходителем. Такой точки зрения, по всей видимости, придерживались и прежние экспедиции. Так, например, Нортон в 1924 г. и Смайт в 1933 г. продолжали в одиночестве восхождение после того, как их партнеры в связке оказывались не в состоянии идти дальше.

Возможность первовосхождения на вершину Эвереста является случаем настолько особым, уникальным, что нарушение приведенного мною золотого правила может быть вполне оправдано. Однако это ни в коей мере не исключает коллективных усилий, необходимых для успеха мероприятия в целом.

Вскоре после нашего возвращения с Эвереста некоторым из нас пришлось беседовать с группой студентов. Один из них обратился ко мне с вопросом: «В чем смысл восхождения на Эверест? Вы были материально заинтересованы или это просто своего рода сумасшествие?» Многих, возможно, интересует, почему мы и наши предшественники стремились взойти на Эверест, и будет, пожалуй, лучше всего попытаться ответить на этот вопрос в самом начале повествования.

Для тех, кто ищет во всем материальную заинтересованность, ответ будет неудовлетворительным, так как в действительности мы не искали и не ожидали ее. Гималаи – широкое поле для исследовательской работы, однако для тех, кто стремится к исследованию «белых пятен» на карте или к научным открытиям, есть много районов столь же интересных и менее изученных, чем горная группа Эвереста. При многочисленных попытках штурма вершины эта территория была изучена сравнительно хорошо. Экспедиции на Эверест стремились не только взойти на него, но ставили перед собой и другие цели, однако эти цели всегда были второстепенными по сравнению с основной задачей – покорением вершины. Более того, опыт прошлого говорит, что наука и альпинизм сочетаются с трудом; я, во всяком случае, считал, что мы должны целиком сосредоточиться на основной цели – восхождении.

Ответом на вопрос студента не может служить также просто страсть к лазанью по горам. Конечно, для всех нас альпинизм как спорт является или должен являться источником удовольствия; мы совершаем восхождения потому, что это нам нравится. Но я сомневаюсь в том, чтобы кто-либо из нас начал в 1953 г. восхождение на Эверест, рассчитывая получить такое же удовольствие от него, как и в горах ближе к родине. Альпинистская техника, приобретенная в более доступных горах, может не найти себе применения в Гималаях из-за отсутствия трудных объектов восхождения. Большинство из нас уже бывало в Гималаях, и нам было известно, что чисто технические сложности восхождения там значительно проще и встречаются реже, чем, например, в Альпах, а возможности применения высокой техники более ограничены.

Однако в любой области человеческой деятельности решение задачи, которую долго не могли решить другие, обладающие мастерством и настойчивостью, имеет непреодолимую притягательную силу. Это и имел в виду Меллори в своем, на первый взгляд, наивном ответе на тот же самый вопрос: «Потому что он (Эверест) существует!» Меллори и его спутник Ирвин в 1924 г. во время третьей экспедиции пропали без вести при восхождении в верхней части Северо-Восточного гребня Эвереста. С тех пор многие безуспешно пытались достичь вершины, и их пример призывал нас в свою очередь попробовать свои силы там, где они потерпели неудачу. Несмотря на многочисленные повторные попытки восхождения, Эверест все еще оставался непобежденным, и этого было, конечно, достаточно, чтобы сдерживать в нас безрассудный оптимизм. Однако нас так же, как в свое время и наших предшественников, ободряло наличие у нас большого накопленного опыта. Возможность проникнуть в неизведанное, сознание того, что Эверест – высшая точка земного шара, вели нас вперед. Стоящая перед нами задача не допускала никаких унижающих сравнений; это был вопрос слишком близко затрагивающий интересы всего коллектива и каждого из его участников в отдельности. Вызов был брошен, и не принять его было невозможно.

Глава II ПРОБЛЕМА

В чем заключается проблема покорения Эвереста? Каким оружием были отбиты многочисленные атаки стольких решительных людей? Прошлой осенью, когда мы готовились к нашему предприятию, его характер был уже в значительной мере ясен: по существу в какой-то степени задача была почти решена, оставались непройденными последние триста метров. Только романтик мог бы считать, что на эту последнюю часть крепости наложено заклятие, что на высоте около 8500 м проходит непреодолимый барьер, за который не могли проникнуть даже такие полные решимости альпинисты, как Нортон, Смайт, Уин Харрис и Уэджер, Ламбер и Тенсинг. Могло показаться, что задача заключается именно в разрушении этого заклятия, в преодолении этого невидимого препятствия, какой-то точки в пространстве, сравнимой с звуковым барьером. Возможно, что эта точка зрения в физиологическом смысле до некоторой степени оправдана. Однако думать так, значило бы прийти к совершенно неверным представлениям, так же как неправильно было бы считать, что после удачного восхождения в 1953 г. будущие восходители не встретят уже на своем пути к вершине никаких новых трудностей. Некоторые поднимались и до нас с разных сторон вершины Эвереста примерно до указанной высоты, но на их пути не было никаких физических препятствий, недоступных для их мастерства. Путь был проходим. Выражаясь на альпинистском жаргоне, «идти было можно». Некоторые из этих выдающихся альпинистов утверждали, что они не смогли продолжать восхождения лишь из-за недостатка времени. Я вернусь к этому вопросу позднее; сейчас достаточно указать, что они были побеждены нарастающим действием высоты, влияние которой сказывалось на них и на их вспомогательных группах, начиная со значительно более ранних этапов восхождения.

Тем, кто решил испытать свои силы на высочайших вершинах, придется встретиться с тремя грозными факторами. Это – явления, связанные с высотой, метеорологические условия и технические трудности восхождения. Рассмотрим сначала влияние высоты.

На верхних участках Эвереста, так же как и на других высочайших вершинах, разреженность воздуха сильно затрудняет движение даже при легком маршруте. Недостаток кислорода сказывается также и на умственной деятельности человека. Выше определенной границы становится невозможной сама жизнь. С другой стороны, в настоящее время уже полностью доказано, что влияние высоты на организм может быть, во всяком случае, уменьшено тщательным соблюдением режима; организм постепенно приспосабливается в течение определенного времени ко все возрастающей высоте, то есть акклиматизируется. Конечно, индивидуальные способности к работе на высотах различны у разных людей. Однако можно утверждать, что тот, кто лучше других приспособлен для восхождения на большие высоты, может, постепенно акклиматизируясь, достичь, по меньшей мере, 6400 м и оставаться на этой высоте без серьезного вреда для себя, во всяком случае достаточное время для того, чтобы попытаться достичь еще большей высоты (если только последняя не слишком велика).

Серьезные недомогания начинаются выше этой высоты, что и служит одной из главных причин, почему действительно высокие горы, достигающие 8000 м и более, принадлежат качественно к другой категории трудности, нежели любые более низкие вершины. На этих высотах постепенная акклиматизация уже теряет свое значение, так как мышцы быстро ослабевают, и сопротивляемость альпиниста низкой температуре, ветру и непогоде резко снижается. Он обычно теряет ощущение голода и жажды и лишается необходимого для отдыха нормального сна. В действительности, начиная с высоты 6400 м, альпинисту необходимо увеличивать скорость своего движения вверх, применять тактику «рывка». Однако на это он уже неспособен, наоборот, ему становится все труднее и труднее бороться с высотой, его продвижение стано-

вится мучительно медленным, умственные усилия так же, как физические неизмеримо затрудняются. Если все это справедливо для технически легкого маршрута, то тем более это имеет место при усложнении пути, даже минимальном на меньших высотах, не способном задержать альпиниста средней квалификации. Незначительное увеличение уклона может оказаться той соломинкой, которая сломает спину верблюду. Если учесть, что Эверест имеет высоту около 8840 м и что примерно 2400 м должны быть преодолены выше установленного предела успешной акклиматизации, то станет ясной та сторона поставленной перед нами задачи, которая всегда играла важную роль в неудачах прошлых экспедиций. Для предохранения организма от быстрого истощения было бы крайне желательно преодолеть эти 2400 м за один, максимум два дня, но об этом не может быть и речи: восходитель, предоставленный своим собственным силам, движется настолько медленно, что для этого ему нужно, по меньшей мере, четыре-пять дней, не считая времени, требующегося для последующего спуска. К тому же самое позднее на четвертый день он настолько ослабеет физически и морально, что у него уже не останется ни воли, ни сил для последнего решительного этапа, когда эти силы как раз больше всего необходимы. Именно так и происходило ранее на высоте примерно 8500 м.

Однако же проблема гораздо сложнее. В эти дни, проведенные на уровне выше 6400 м, требуется установить ряд высотных лагерей, что, в свою очередь, означает необходимость иметь с собой палатки, спальные мешки, надувные матрасы, продукты, переносные кухни, горючее, а также альпинистское снаряжение. Весь этот груз нужно перенести наверх, причем общий вес его неизбежно весьма велик, так как необходимо обеспечить хотя бы минимальные удобства и, что еще важнее, защиту от холода. Переноска груза далеко выходит за пределы физических возможностей альпинистов, назначенных для решающего штурма, и их следует, насколько это позволяют обстоятельства, освобождать от всякой посторонней работы, сберегая их силы для выполнения основной задачи. Переноску груза следует поручать другим членам вспомогательной группы. Кроме того, так как размер каждого высотного лагеря и его оснащение должны быть уменьшены до предела, необходимо, чтобы вспомогательные группы двигались по строгому графику. Грузы должны перемещаться вверх последовательно, с интервалом в несколько дней. Однако на организацию каждого нового лагеря требуется все больше и больше времени, так как на большой высоте груз, который человек способен нести на себе, очень мал. Таким образом, время, потребное для восхождения на Эверест, весьма значительно не только из-за необходимости постепенной акклиматизации, начиная с определенной высоты, но и потому, что завершающие усилия замедляются недостатком кислорода.

Выигрыш во времени особенно важен на последних этапах восхождения не только вследствие ослабления организма, но и ввиду другого фактора, самого важного из всех, а именно состояния погоды.

Во всех горных районах, за исключением таких, где высоты невелики или где не встречается никаких серьезных трудностей при восхождении, погода играет громадную роль в альпинистских планах. Непогода значительно уменьшает способность восходителя преодолевать трудности маршрута, замедляет его движение, заставляет страдать от ветра и холода. Застигнутый ею альпинист может потерять ориентировку, попасть на трудный участок и быть вынужден заночевать на неудобном месте. Опасности плохой погоды в горах хорошо известны, и я упоминаю о них лишь для того, чтобы подчеркнуть их еще более губительное влияние при подъеме на высочайшие вершины. Периоды, когда погода достаточно хороша для серьезной попытки достигнуть вершины Эвереста, не только весьма кратки и редки в течение года, но и выдаются, по-видимому, далеко не каждый год. В течение всей зимы, с ноября по март, почти непрерывно свирепствуют северо-западные штормы. Ледяной ветер исключительной силы (его скорость достигает, вероятно, 130—150 км в час) обнажает северные склоны хребта и откладывает снег на его южных склонах. Этот снег, лежащий на старом фирне, очень неустойчив и

может в любой момент обрушиться грандиозными лавинами. Зимой этот свирепый западный ветер безраздельно властвует над высокими и пустынными Гималайскими горами. Совершить в подобное время года восхождение на один из высочайших гималайских пиков вряд ли вообще возможно, разве только по очень простому и исключительно хорошо защищенному маршруту.

В начале лета (конец мая или начало июня, в зависимости от положения вершины в хребте) начинается противоположное движение воздуха – муссоны с юго-востока. Эти теплые, насыщенные влагой ветры, дующие из Бенгальского залива, приносят массы влажного снега, скапливающегося на более высоких склонах горного барьера; ветер особенно интенсивен в юго-восточной части Гималаев, на которые он обрушивается со всей своей мощью после того, как достигнет конца залива. Именно в этом районе и возвышается Эверест. Обычно здесь сезон муссонов продолжается до конца сентября. Некоторые, более легкие восхождения можно совершить в это время, однако сложность подъема на высокие вершины, в особенности в юго-восточных Гималаях, резко увеличивается из-за трудного для преодоления и весьма опасного глубокого недавно выпавшего снега. Возможности успешного восхождения на Эверест, по всей вероятности, ограничены кратким промежутком времени между прекращением действия одной разбушевавшейся стихии и началом действия другой; такие промежутки бывают в мае и в начале октября, то есть непосредственно перед муссоном и сразу после него. Почти все попытки восхождения на Эверест производились в промежуток времени перед началом муссона, хотя швейцарцы в 1952 г. сочли возможным вернуться осенью для повторного штурма. Несмотря на отсутствие полной ясности в этом вопросе, можно считать, что осенний период дает очень мало шансов на успех. Действительно, глубокий снег должен быть сметен со склонов западным ветром, а этот ветер, когда он дует в полную силу, явится непреодолимым препятствием для восхождения. Какой бы промежуток в году ни выбрать, он будет очень кратковременным. К тому же нет никакой гарантии, что между окончанием зимы и наступлением муссона обязательно будет какой-либо интервал. Именно с таким явлением – отсутствием спокойного периода – пришлось столкнуться английским экспедициям на Эверест в 1936 и 1938 гг.

Оба эти фактора – высота и погода – каждый в отдельности и оба вместе стремятся задержать альпиниста. Высота истощает его силы, замедляет движение, заставляет тратить дни и ночи на восхождение. Плохая погода не только увеличивает расход физической и моральной энергии альпиниста, но и угрожает ему потерей времени, необходимого для выполнения задачи. Если в более низких горах и при сравнительно легком пути непогода может лишь затруднить движение, то в Гималаях она является решающим фактором, независимо от характера маршрута.

Выводы, которые следует сделать на основании этих двух факторов, вполне очевидны. Мы должны или быть так подготовлены, чтобы существовать и действовать без вреда для себя, находясь выше предела естественной акклиматизации или, что еще лучше, мы должны решить проблему ускорения восхождения. В сущности желательно удовлетворить оба эти требования и тем самым подготовить для борьбы с непогодой тех участников экспедиции, которые выбраны для окончательного штурма вершины и сопровождающую их вспомогательную группу, ибо безопасность в альпинизме в такой же мере зависит как от скорости, так и от уверенности продвижения. Эти требования, порознь и вместе, могут быть выполнены лишь с применением кислорода в количестве, достаточном, чтобы компенсировать недостаток его в воздухе в течение всего времени подъема выше предела успешной акклиматизации. Иначе говоря, кислород может рассматриваться как средство, уничтожающее действие высоты и создающее условия, подобные существующим при восхождении на более привычные, более низкие вершины.

Потребность в кислороде при восхождении на Эверест не является новой проблемой; это хорошо знали уже много лет назад, хотя все альпинисты не считали кислород решаю-

щим фактором. Некоторые восходители придерживались даже того мнения, что употребление кислорода нежелательно с точки зрения спортивной этики. Кислород был применен Финчем и Брюсом в экспедиции 1922 г., представлявшей первую серьезную попытку восхождения на Эверест. Однако применявшаяся ранее аппаратура не позволила альпинистам достигнуть большой высоты в лучшем состоянии по сравнению с теми, кто не пользовался кислородом. Это объясняется малой производительностью кислородного аппарата на единицу его веса. Вопрос добавочного веса на больших высотах, если только он не компенсируется с избытком кислородным питанием, имеет чрезвычайно важное значение. По-видимому, все прежние кислородные аппараты сравнительно мало способствовали уменьшению напряжения, усталости и ослабления организма; нашей задачей являлось создание аппаратов, по своим качествам значительно превышавших прежние. Чем легче аппарат (при условии достаточной длительности действия его без пополнения запаса кислорода), тем быстрее сможет подниматься альпинист.

Перейдем теперь к физическим препятствиям на нашем пути к вершине – к трудностям, требующим для своего преодоления альпинистского мастерства и опыта. Те, кто недостаточно знаком с Эверестом, часто говорят, что, с точки зрения альпинистской техники, он является легкой вершиной. Допуская, что имеются и более сложные, с альпинистской точки зрения, вершины, я все же должен подчеркнуть, что такое положение в корне неверно. Если трудности, связанные с рельефом местности, отнесены мной на последнее место при перечислении основных факторов, которые нам пришлось учитывать при подготовке экспедиции, то это объясняется, во-первых, желанием оставить у читателя более свежее представление об орографии массива и, во-вторых, тем, что, какова бы ни была техническая сложность пути, она, во всяком случае, увеличивалась и отодвигалась на второй план влиянием высоты и непогоды.

Познакомимся теперь по карте (см. рис. 1) с орографией южного склона горной группы Эвереста. Эта карта дает довольно правильное представление о районе, за исключением его масштабов. Мы ведь весьма склонны измерять высоту гор мерилем своего собственного опыта. Те же, кто мало знаком с Гималаями и не побывал в них, могут по фотографиям не оценить их грандиозных размеров подобно тому, как ошибаются и те, кто впервые видит эти горы воочию.

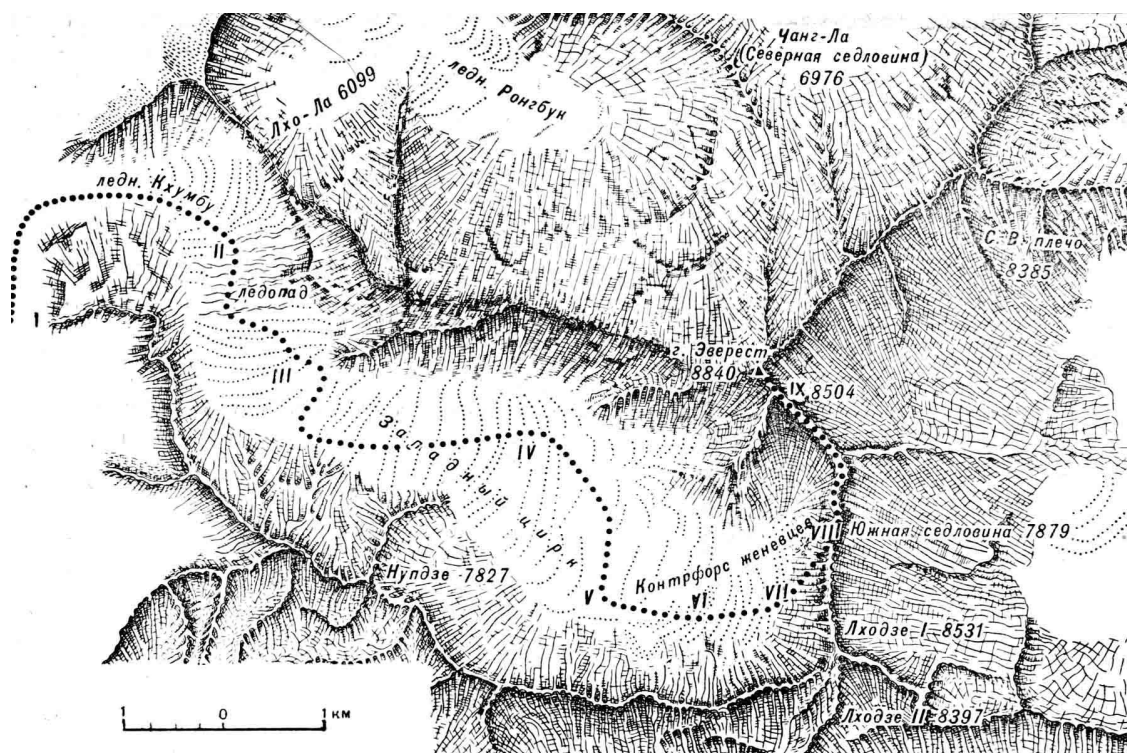

Рис. 1. Ближайшие подступы к Эвересту.

Эверест – один из трех громадных пиков, возвышающихся на непало-тибетской границе. Они окружают узкую высокогорную долину, открывающуюся на запад, – чудо горной архитектуры, дно которой полого опускается к западу с 6700 до 5800 м. Когда Меллори впервые увидел ее во время первой разведки Эвереста в 1921 г., он дал ей название «Западный коум» (Западный цирк), без сомнения, из любви к милым его сердцу горам Уэльса. В верховьях долины возвышается центральная из трех вершин, громадный скалистый пик Лходзе, высотой около 8540 м. Его западные склоны круто падают в долину, совершенно замыкая ее верховья. Если смотреть вверх по Западному цирку, Эверест находится слева, и его западный гребень образует стену, ограничивающую цирк с севера. С противоположной стороны возвышается Нупдзе, скорее хребет, чем вершина, острый и рваный гребень которого, начинаясь от южных отрогов Лходзе, тянется на расстояние более трех километров со средней высотой более 7600 м. Западный цирк – этот чудовищный каприз природы, лежащий между Эверестом и Нупдзе и замыкаемый склонами Лходзе, – приводит альпиниста к самому подножью вершины; он является исходным пунктом, откуда начинается восхождение с юга.

Однако прежде чем начать восхождение, необходимо еще проникнуть в этот цирк, а между тем вход в него находится под надежной охраной. На дне цирка залегает слой льда мощностью, вероятно, в сотню метров. Ледник Кхумбу, берущий здесь свое начало, после спокойного течения на протяжении более пяти километров, внезапно обрывается грандиозным уступом высотой более 600 м. Затем, снизившись примерно до 5500 м, ледник поворачивает под прямым углом налево, выравнивает свой профиль и плавно стекает, оканчиваясь километрах в тринадцати ниже. Упомянутый выше перегиб, или ледопад, образует вход в Западный цирк; его преодоление представляет сложнейшую задачу для восходителей, направляющихся в Западный цирк или выше него. Ледопадом называют, если можно так выразиться, застывший ледяной каскад, часто гигантских размеров. Ледопад Кхумбу является действительно чудовищным. При движении ледника по крутому скалистому ложу поверхность его разрывается, разламывается, превращаясь в лабиринт трещин, неустойчивых и уже упавших ледяных глыб. Ледопад постоянно находится в динамическом состоянии, вечно изменяясь, так как ледники в Гималаях обычно движутся быстрее, чем, например, в европейских Альпах. За одну ночь на ровной поверхности льда возникают гигантские трещины, расширяющиеся или закрывающиеся совершенно внезапно. Грандиозные многотонные массы льда нависают в неустойчивом равновесии над пропастями и внезапно срываются вниз, сметая все на своем пути и заваливая склоны громадными обломками льда. Несмотря на то, что ледопад был пройден группой Шиптона в 1951 г. и дважды швейцарскими альпинистами в 1952 г., он оставался для нас наиболее серьезным препятствием, характер которого мог измениться до неузнаваемости к тому времени, когда мы доберемся до него в 1953 г.

Теперь представим себе, что мы добрались до верховьев Западного цирка и бросим взгляд на западный склон Лходзе, ибо нам необходимо преодолеть этот барьер, чтобы выйти до подножья вершинной пирамиды. Нашей непосредственной целью является понижение между Эверестом и Лходзе, получившее название «Южной седловины». Чтобы добраться до нее, нужно преодолеть крутые снежно-ледовые склоны Лходзе и Южной седловины и подняться более чем на 1200 м. Нам представлялось, что именно здесь и находится наиболее сложный участок всего восхождения на Эверест. Южная седловина лежит на высоте около 7800 м, но после того, как будет достигнута эта исключительно большая высота (лишь немного уступающая Аннапурне, наивысшей из покоренных до 1953 г. вершин), нам останется еще не менее 900 м подъема, считая по вертикали. Достижение Южной седловины само по себе является изнурительным и сложным предприятием. Значительной части участников необходимо будет проделать этот путь, неся на себе большой груз продуктов и снаряжения, чтобы как следует

обеспечить успех заключительного штурма. Швейцарцы, несмотря на их достойные восхищения усилия, потерпели поражение именно на этом участке маршрута. И хотя Тенсинг и Ламбер поднялись высоко над Южной седловиной, они не имели за собой надежного резерва, способного поддержать их замечательную попытку. Обеспечение этого тыла, создание на Южной седловине запаса продуктов и снаряжения и сосредоточение здесь надежной группы поддержки – это и было нашей основной заботой в течение последующих месяцев.

Продолжим мысленно наш путь. Представим себе, что, вооруженные опытом весенней швейцарской экспедиции, мы добрались до Южной седловины; обследуем теперь верхнюю часть пути. Чтобы добраться до вершины, восходитель должен подниматься по Юго-Восточному гребню, идущему к вершине от Южной седловины. На пути он должен будет преодолеть небольшой выступ на гребне, известный под названием «Южного пика», высотой более 8750 м. Насколько нам тогда было известно, гребень вплоть до этого места не должен был представлять особых затруднений, однако участок между южной вершиной и главной оставался загадкой. Участок этот не просматривался с Южной седловины, так что швейцарцы ничего не могли сказать о нем. По данным аэрофотосъемки, находившимися в нашем распоряжении, у нас создалось впечатление об узком снежном или ледовом гребне с опасными громадными карнизами, нависающими над восточной пропастью; они созданы господствующими здесь западными ветрами. В то время когда производилась эта аэрофотосъемка, даже сама вершина выглядела, как гребень колоссального карниза, нависающего не менее чем на семь-восемь метров. Уже в те дни осени 1952 г. нам было ясно, что этот последний участок достойно завершал тяжелый путь восхождения. И, может быть, некоторые из нас затаили невысказанное чувство досады на то, что Эверест как бы приберег этот последний вал укреплений для смельчаков, сумевших добраться так далеко. Было очевидно, что преодоление участка протяжением в 450 м с разницей высот в 120 м, отделявшего Южный пик от вершины Эвереста, потребует от восходителей ясности мысли, сосредоточенного внимания и достаточного запаса сил, тем более, что спуск на участке до Южного пика должен был быть почти столь же напряженным, как и подъем. Как добиться того, чтобы участники нашей штурмовой группы сохранили необходимые силы и энергию? Это являлось основным вопросом, решению которого были в конечном счете подчинены все наши планы.

Таковы были в самых общих чертах три главных фактора, составляющие проблему Эвереста, – высота, погода и рельеф. В тщательном изучении этих факторов и их влияния на прошлые экспедиции, последовательно штурмовавшие в течение многих лет Эверест, и заключалась в основном наша подготовительная работа; отсюда родился и наш оперативный план. Нас очень воодушевляло то, что многие трудности, возникающие в связи с этими факторами, были уже успешно преодолены нашими предшественниками, но мы сознавали также, что нам придется, в свою очередь, встретиться с этими трудностями, причем, вероятно, в другой обстановке и, возможно, в более сложных условиях. Наконец, мы знали, что для того, чтобы достигнуть вершины, нам нужно как-то избежать такого положения, какое создавалось до сих пор даже у наиболее квалифицированных и настойчивых наших предшественников, когда двое, а иногда лишь один человек после отчаянной борьбы, не дойдя до цели около трехсот метров, не имели сил для достижения вершины и, во всяком случае, для восхождения и благополучного спуска к своим товарищам.

Говоря языком романтика, нам предстояло перейти заколдованный барьер, сняв сперва с него то заклятие, при помощи которого вершина могла навсегда задержать дерзкого нарушителя в своих ледяных объятиях.

ЧАСТЬ II

СОСТАВЛЕНИЕ ПЛАНА

Глава III

ПОДГОТОВКА. ПЕРВЫЙ ЭТАП

Организация большой экспедиции куда бы то ни было: в Гималаи, в Арктику или в Центральную Африку – всегда является сложнейшим мероприятием. Мой опыт ограничивается лишь гималайскими экспедициями, но я могу теперь глубоко сочувствовать тем, кому приходится планировать и готовить любые другие путешествия или исследования. Представьте себе, что вам вместе с другими предстоит выполнить длительное и весьма трудное задание в каком-то далеком и ненаселенном уголке земного шара, где климатические условия исключительно тяжелы. Успех вашего мероприятия зависит, в первую очередь, от ваших спутников, от объединенных усилий всех членов вашего коллектива. Физическая или моральная неподготовленность хотя бы одного или двух участников экспедиции неизмеримо увеличивает трудности задания. На вас лежит ответственность за подбор людей, от которых требуется счастливое сочетание трудно совместимых качеств. Очень часто вы даже не в состоянии будете проверить их качества, по крайней мере в условиях, близких к тем, с которыми придется иметь дело в действительности; возможно, что вам даже не приходилось встречаться ранее с большинством из этих людей. Вам предстоит обеспечить весь состав экспедиции одеждой и снаряжением, требующимися для выполнения задачи в весьма сложных условиях. Вы должны позаботиться, чтобы партия захватила с собой все снаряжение, которое ей может потребоваться при этом и должны иметь в виду, что путь будет длинный, медленный и трудный и что на все время вашей экспедиции вы будете всецело предоставлены самим себе. Часть снаряжения носит весьма специальный характер, и придется решать трудные вопросы о конструкции такого снаряжения и о его количестве. Продукты должны быть запасены на все время пребывания экспедиции вдали от цивилизованного мира, а выбор их должен быть произведен с большой тщательностью, так как пища должна соответствовать климатическим условиям и характеру работы. Все многочисленные продукты и предметы снаряжения нужно заказать заранее, причем некоторые из них – лишь после тщательных испытаний, проведенных в условиях, возможно более приближающихся к действительным. Вы должны позаботиться об упаковке и описи всех этих предметов, а также о доставке грузов и людей к начальному пункту маршрута в какой-то отдаленной стране, откуда более примитивными транспортными средствами все должно быть доставлено непосредственно к месту работы. Последней, но никак не менее важной заботой является вопрос о финансировании, решающий судьбу всего мероприятия; на вас лежит также составление сметы экспедиции. В дополнение ко всему этому предположите, что на подготовку экспедиции вам дано крайне ограниченное время и что в любой момент, даже в самый разгар приготовлений, экспедиция может быть отменена. К тому же вам известно, что необходимо предусмотреть организацию повторной экспедиции, если первая потерпит неудачу. При таких условиях, я думаю, вы будете склонны считать, что на вашу долю выпала такая трудная задача, с какой вам никогда еще не приходилось встречаться и вряд ли придется встретиться в будущем.

Таковы были, во всяком случае, мои мысли, когда 11 сентября 1952 г. я получил телеграмму, в которой мне предлагали принять на себя руководство английской экспедицией на Эверест весной 1953 г. В это время я был очень занят последними приготовлениями к проведению маневров союзных войск в Германии и знал, что не смогу освободиться ранее, чем через месяц. Я испытывал большое возбуждение, но одновременно меня одолевали сомнения.

Впрочем, забегая вперед, я должен успокоить вас, ибо положение оказалось в действительности не столь плохим, как я боялся.

Уже со времени организации первой экспедиции на Эверест в 1919 г. подобные мероприятия возглавлялись, финансировались и поддерживались комитетом, образованным совместно Альпийским клубом – старейшим обществом восходителей – и Королевским Географическим Обществом, одной из главных задач которого является поощрение географических исследований. С 1951 г. этот комитет вел подготовку предстоящей экспедиции. Вслед за разведкой, произведенной в 1951 г., и тренировочной экспедицией на Чо-Ойю в 1952 г. должна была состояться в 1953 г. решающая попытка восхождения на Эверест, в том случае если швейцарцев постигнет неудача. Так осуществлялась непрерывность общего руководства.

Кроме планирования экспедиций на Эверест, получения разрешения от правительства и проведения основной подготовки, одной из главных задач Объединенного Гималайского комитета являлось также финансирование экспедиций. Только те, кому непосредственно приходилось нести тяжесть подобных забот, могут полностью оценить тот труд и те беспокойства, которые связаны с изысканием значительных денежных средств для финансирования таких мероприятий. Особо следует учитывать то неблагоприятное впечатление, которое неизбежно создают в широких массах последовательные неудачи, вызванные отсутствием какой-либо денежной поддержки, кроме средств, предоставленных членами комитета. Я не в силах с достаточной полнотой выразить мою личную признательность членам комитета, в особенности почетному секретарю Б. Р. Гудфеллоу, а также директору² Королевского Географического Общества Л. П. Керуону за их поддержку экспедиции. Финансированию экспедиции помогали многие частные лица и организации, в особенности газета «Таймс», которая оказывала существенную поддержку также и предыдущим экспедициям. Как и прежде, Научно-исследовательский совет по вопросам медицины образовал специальный Высотный комитет для консультации по вопросам снаряжения и питания. Один из физиологов этого учреждения, доктор Л. Г. К. Паф, участвовал в гималайской экспедиции Шиптона в 1952 г. и составил отчет, из которого можно было почерпнуть много полезных сведений. Сам Эрик Шиптон уже приступил к составлению общего плана и благодаря своему большому опыту по гималайским экспедициям мог дать много ценных советов. Был также назначен организационный секретарь, начавший подготовительную работу по снаряжению. Таким образом, вернувшись из Германии в Лондон, чтобы приступить к подготовке экспедиции, я нашел, что значительная часть предварительной работы была уже начата.

Однако было ясно, что оставалось еще очень много работы, которую надо было выполнить в чрезвычайно сжатые сроки. Чтобы сложная машина подготовки экспедиции могла быть пущена полным ходом, необходимо было привлечь на добровольных началах большое количество опытных помощников. Последних следовало вербовать, по возможности, из предполагаемых членов экспедиции, так как их участие в предстоящем восхождении определяло их личную заинтересованность в подготовительных работах.

Одним из самых существенных вопросов был подбор личного состава. В этом отношении была также уже проведена некоторая подготовка. Имелись участники разведки 1951 г. и экспедиции на Чо-Ойю, преимущество которых составлял их недавний опыт, полученный в районе Эвереста; в послевоенное время Гималаи посещались также другими частными английскими экспедициями; различным альпинистским клубам было предложено рекомендовать из числа своих членов кандидатов для участия в экспедиции. Таким образом, в нашем распоряжении имелись обширные списки кандидатов. Многие из них обладали опытом альпийских восхождений, некоторые совершили за последние годы выдающиеся восхождения в Альпах. Наконец,

² В обязанности директора Королевского Географического Общества в Лондоне входит заведование зданием общества и руководство организацией докладов и лекций. – *Прим. ред.*

из всех уголков страны поступали многочисленные заявки от желающих принять участие в экспедиции. Некоторые из них не обладали достаточной квалификацией, но все они горели бескорыстной страстью к приключениям. Выбор затруднялся обилием кандидатов.

Считаясь прежде всего с необходимостью распределения забот по подготовке, я поставил себе целью уже к 1 ноября представить мои предложения комитету, от которого должны были исходить официальные приглашения. В течение трех недель после моего прибытия в Англию я был чрезвычайно занят отбором кандидатов. Я составлял все более и более короткие списки, беседуя с отдельными альпинистами и выслушивая отзывы людей, лично их знавших. Во многих отношениях это была наиболее трудная часть всей работы, так как от комплектования возможно лучшего коллектива зависело очень многое; я считал этот фактор основным, решающим успех всей экспедиции. В то же время было очень трудно отказывать многим способным и полным энтузиазма кандидатам. Мне невольно вспомнились мои собственные переживания, когда шестнадцать лет назад я был включен в экспедицию на Эверест и затем забракован врачебной комиссией. При окончательном отборе я исходил из четырех критериев: возраст, моральные качества, альпинистский опыт и физические данные. Я стремился к подбору такого коллектива, каждый член которого мог бы впоследствии быть участником штурмовой группы.

Что касается возраста, я старался выбирать кандидатов от 25 до 40 лет. Предшествующий опыт – как мой, так и других восходителей – показывал, что для альпинистов моложе 25 лет подъем на высочайшие вершины Гималаев (более 7600 м) может оказаться не по силам, так как он требует исключительной выносливости и выдержки, которые если и приобретаются, то обычно лишь с годами. Установить верхний предел было сложнее. Несмотря на некоторые замечательные исключения, я считал, что было бы редкой удачей найти альпинистов свыше 40 лет, сумевших сохранить свою спортивную подготовленность постоянной практикой восхождений.

Вопрос о возрасте решался легко; гораздо сложнее было судить о моральных качествах кандидатов. Это было самым трудным, так как я добивался наличия у них двух качеств, редко встречающихся вместе. С одной стороны, нужно было быть уверенным в том, что каждый участник команды действительно хочет достичь вершины. Таким стремлением должен был быть охвачен как каждый участник восхождения, так и весь коллектив, ибо суровые требования, предъявляемые Эверестом, были таковы, что любой из нас мог быть направлен на штурм вершины. Я хотел, чтобы девизом каждого члена экспедиции было «все выше и выше». С другой стороны, Эверест требовал также исключительного терпения и самоотречения. С общего согласия было решено, что при выборе группы для окончательного штурма не должны учитываться никакие личные мотивы; те, кому не посчастливится попасть в штурмовую группу, должны быть готовы в наиболее критической фазе восхождения к неблагодарной работе, полной разочарований; это, конечно, потребует немалого самообладания от будущих членов команды: в каждой большой экспедиции моральные качества людей подвергаются сильному и длительному испытанию. В то же время каждый участник может поставить под удар единство и дух всей группы, а единство коллектива очень важно в таком предприятии, как восхождение на Эверест.

В отношении альпинистского опыта было желательно, чтобы участники экспедиции имели бы за собой достаточное число крупных восхождений в Альпах, включающих скальные, снежные и ледовые участки – то, что французы называют *Grandes Courses*³. И чем длительнее период накопления такого опыта, тем лучше, так как вряд ли можно как следует изучить изменчивые состояния погоды или снежного покрова в течение одного-двух сезонов в Альпах. У себя на родине английским альпинистам чаще всего приходится иметь дело со скальными маршрутами. Правда, зимой в некоторых горных районах Британских островов, напри-

³ большие восхождения. – *Прим. ред.*

мер в Шотландском нагорье, можно совершать неплохие снежно-ледовые восхождения, однако обычно наши молодые восходители предпочитают и в Альпах ограничиваться привычными скальными маршрутами. В Гималаях же, по крайней мере в настоящее время, выдающиеся способности к скалолазанию отнюдь не являются необходимым требованием. К сожалению, большинству английских альпинистов редко представлялась возможность совершать восхождение на крупнейшие снежно-ледовые вершины Альп, и это значительно сократило число кандидатов. Для оставшихся дополнительным и весьма желательным условием был опыт участия в гималайских экспедициях, так как условия восхождений в Гималаях весьма своеобразны, и необходима была проверка способности к восхождению на большие высоты. Удовлетворявших этому требованию было, естественно, немного; это привело меня тогда к мысли о том, что в будущем целесообразно предоставлять нашей молодежи большие возможности для участия в высотных экспедициях.

Физические данные были тем критерием, в отношении которого гималайские восходители придерживались твердых, хотя и весьма различных точек зрения. Некоторые утверждали, что кандидат для восхождения на Эверест должен быть невысоким и коренастым; другие, наоборот, указывали, что на практике альпинисты высокого роста достигали на Эвересте и других вершинах большой высоты. Вообще говоря, очевидно, что чем крупнее человек, тем больше энергии требуется для его движения, и на больших высотах это может оказаться невыгодным обстоятельством. Мне казалось, что в случае отсутствия реальных доказательств фактической пригодности того или иного кандидата, следовало обращать внимание на пропорциональность сложения альпиниста, независимо от его роста. Даже при низком росте можно быть слишком тяжелым, а энергию, которую может развить человек, можно считать пропорциональной размерам его тела. Учитывая, что более крупные люди должны, вероятно, потреблять больше кислорода, я, тем не менее, обращал основное внимание на пропорциональное сложение, а не на рост кандидатов. Таким образом получилось, что большинство из нас имело рост около 1 м 80 см (6 футов), а некоторые были еще выше.

Наконец, я настаивал на личной встрече с теми кандидатами, которых я не знал раньше. По этой причине некоторые заокеанские кандидаты были отвергнуты, хотя и обладали выдающимися качествами. Помимо всех других моментов, для успеха нашего предприятия было очень важно, чтобы каждый участник был «подходящим», а в этом я не мог убедиться заочно. Единственное исключение было сделано для двух новозеландских альпинистов, сопровождавших в 1952 г. Шиптона и хорошо знакомых тем членам экспедиции, чье участие в ней было уже обеспечено. Один из них, Хиллари, входил также в состав разведывательной экспедиции 1951 г. Их права на участие в экспедиции были настолько бесспорны, что я в данном случае удовлетворился рекомендациями тех, чье мнение для меня являлось достаточно авторитетным.

Одним из первых вопросов, которые надлежало разрешить, был вопрос о том, будет ли наша экспедиция международной по своему составу, так как имелись иностранные кандидаты, о которых стоило подумать. Просьбы об участии в экспедиции поступили из ряда стран, и Объединенному комитету пришлось весьма серьезно подойти к рассмотрению этих заявок.

С самого начала было принципиально решено, что если состав экспедиции будет подобран из английских восходителей, то право на участие в ней будет предоставлено и представителям других стран Британского Содружества Наций, в частности Новой Зеландии и Кении, где имелись очень опытные альпинисты. Многое можно было сказать в пользу международного состава экспедиции, если принять во внимание, что за пределами альпинистских кругов шло много разговоров о соревновании в борьбе за Эверест. Однако я считал, что мы должны были ограничить свой выбор Британским Содружеством Наций, и комитет согласился с моей точкой зрения. В экспедиции такого исключительного характера от каждого участника, конечно, потребуется огромное напряжение всех сил, и я не мог допустить, согласившись на экспери-

мент международного сотрудничества, чтобы на пути к достижению столь важного для нас единства возникли дополнительные трудности. Отнюдь не считая, что восхождение на Эверест является предметом враждебного соперничества между альпинистами разных стран, мы в то же время знали, что многие думают иначе, и это, помимо нашей воли, могло внести дополнительные трудности при проведении экспедиции. Во всяком случае, восхождение на Эверест являлось делом, в котором английские альпинисты были с давних пор кровно заинтересованы. Имелось много доводов в пользу того, что именно английская экспедиция должна завершить то дело, которое не удалось закончить Тильману и его товарищам в 1938 г.

Среди множества писем с советами о составе экспедиции было одно, в котором Гималайскому комитету предлагалось начать переговоры с Чехословацким правительством на предмет «передачи» и перехода в британское подданство знаменитого чешского бегуна Затопека. По мнению автора этого письма, не подлежало сомнению, что при этом, по крайней мере, один из участников экспедиции достигнет вершины.

К 1 ноября состав экспедиции был укомплектован и 7 ноября представлен на утверждение Гималайскому комитету. Он состоял из десяти альпинистов, врача и нескольких запасных участников. В предыдущей главе мной были приведены доводы в пользу расширенного состава экспедиции; на десяти человеках мы остановились после предварительного планирования, о котором будет рассказано далее.

Наш конечный выбор был таков:

Чарльз Эванс – член Королевского хирургического колледжа, 33 лет, коренастый блондин, невысокого роста. В то время Эванс работал врачом Уолтонского госпиталя в Ливерпуле. В перерывы между своей медицинской работой за последние три года он принимал участие в трех гималайских экспедициях: вместе с Тильманом на хребет Аннапурна в 1950 г., в горной группе Кулу в 1951 г. и в 1952 г. с Шиптоном на Чо-Ойю. Кроме того, у Эванса был богатый опыт восхождений в Альпах и на скальные вершины в Англии.

Том Бурдиллон – 28 лет – сопровождал Шиптона в разведывательной экспедиции на Эверест, а также в экспедиции на Чо-Ойю, во время которой он проводил испытания кислородной аппаратуры. До экспедиции в Гималаи он уже прославился как выдающийся скалолаз, прошедший во французских Альпах несколько маршрутов, превосходящих по своей сложности все, на что были способны в то время другие английские альпинисты. Вдохновленные этими достижениями, английские молодые восходители последовали его примеру, доказав, что по квалификации они не уступают лучшим альпинистам континента. Бурдиллон – физик, работающий над усовершенствованием реактивных двигателей в министерстве снабжения. Он крупный и массивный, телосложением напоминающий нападающего второй линии в регби.

Альфред Грегори – директор туристского агентства в Блэкпуле – также принимал участие в экспедиции на Чо-Ойю. По своему возрасту (39 лет) он был, не считая меня, самым старшим из членов экспедиции. Грегори ростом ниже всех других участников, худощав, гибок и очень вынослив. Обладая длительным и разнообразным опытом восхождений в Альпах и у себя на родине, он проявил себя с наилучшей стороны и в экспедиции на Чо-Ойю, где показал свою способность к высотной акклиматизации.

Эдмунд Хиллари, 33 лет. Так же как Бурдиллон, он участвовал в обеих экспедициях, служивших «репетициями» перед решающим штурмом Эвереста, причем к первой из них он присоединился после весьма успешной новозеландской экспедиции в Центральные Гималаи. Хотя его альпинистская карьера началась лишь вскоре после войны, он быстро выдвинулся в ряды сильнейших альпинистов Новой Зеландии. Экзамен, выдержанный Хиллари в Гималаях, показал, что он будет серьезным претендентом на участие не только в экспедиции вообще, но и в предполагаемой штурмовой группе. Я хорошо помню предсказание Шиптона при нашей встрече осенью 1952 г. – и он оказался совершенно прав! Задолго до того, как я встретился лично с ним, я представлял себе Хиллари по его письмам и по высказываниям его товарищей

по разведывательной экспедиции 1951 г. и восхождению на Чо-Ойю. На меня произвел глубокое впечатление этот исключительно сильный человек, полный неистощимой, все преодолевающей энергии и обладающий острым умом, сметающим все мнимые препятствия. Хиллари высокого роста; живет он возле Окленда и по профессии пчеловод.

Его соотечественник Джордж Лоу был также членом крепкого коллектива экспедиции Шиптона на Чо-Ойю. Его опыт альпийских восхождений в Новой Зеландии более длительный, чем у Хиллари, которого он приобщал к некоторым сложнейшим восхождениям в горах своей родины. Лоу, подобно Хиллари, владеет высокой ледовой техникой, приобретенной им в новозеландских горах, где имеются для этого исключительные возможности. Лоу высокого роста, хорошо сложен, возраст его – 28 лет. По профессии он учитель начальной школы в Хейстингсе (Новая Зеландия).

Уже в начале сентября нам удалось добиться откомандирования военным министерством Чарльза Уайли, исполнявшего обязанности организационного секретаря до моего приезда и продолжавшего работать в этой должности как мой неоценимый помощник в течение всей подготовки экспедиции. Чарльз служит офицером в бригаде гурков; большую часть войны он провел в японском лагере для военнопленных. То, что он так хорошо выдержал это тяжелое испытание, объясняется, без сомнения, его самоотверженностью и чутким отношением к товарищам, его оптимизмом и жизнерадостным характером. Благодаря усилиям Уайли все снаряжение экспедиции было тщательно подготовлено и учтено, так что каждая малейшая деталь была предусмотрена и всесторонне продумана. Подобно Грегори, Уайли имел богатый опыт восхождений в Альпах и на родине, а вскоре после окончания войны ему довелось совершить восхождение в Гархуале. Возраст Уайли – 32 года.

Майкл Уэстмекотт, 27 лет. В гималайских экспедициях не участвовал, хотя в конце войны был офицером саперных войск на Востоке. Как бывший председатель альпинистского клуба Оксфордского университета, Уэстмекотт – первоклассный альпинист; за последние годы им было блестяще пройдено в Альпах несколько особо сложных маршрутов. Он занимается статистическими исследованиями на Ротемстедской экспериментальной станции.

Самым молодым среди нас был Джордж Бенд – старательный высокий юноша в очках. К тому времени, когда подбирался состав экспедиции, ему исполнялось всего лишь 23 года, что было ниже того предела, который я считал минимальным для участника восхождения на Эверест. Однако в активе Джорджа числились исключительно хорошие восхождения в Альпах и, кроме того, он обладал другими ценными качествами, которые я предполагал встретить лишь у людей более зрелого возраста. Бенд только что окончил Кембриджский университет и в прошлом был председателем альпинистского клуба университета.

Уилфрид Нойс, по профессии школьный учитель и писатель, по своему телосложению похож на Лоу. Ему 34 года. В 1939 г., перед началом войны, Нойс был одним из лучших молодых альпинистов; им были совершены ряд выдающихся по трудности восхождений в Альпах, а также на скальные вершины у себя на родине. Во время войны Нойс занимался в Кашмире горной подготовкой военно-воздушных войск. В течение некоторого времени он помогал мне проводить подобные тренировочные восхождения для пехоты. Им были выполнены восхождения в Гархуале, а также побежден высокий пик в Сиккиме – Пахунри (7132 м).

Последним был я сам. Альпинизмом я занимаюсь непрерывно с 1925 г., когда пятнадцатилетним подростком поднялся впервые на одну из высоких альпийских вершин. В Альпах я провел десять летних сезонов и, кроме того, много ходил на лыжах. Мною совершено также много скальных восхождений в Англии. Благодаря тому, что мне посчастливилось в период между двумя мировыми войнами служить в Индии, я смог принять участие в трех гималайских экспедициях. Подобно Нойсу, мне пришлось обучать войсковые соединения ведению боевых действий в горах и снегах.

Благодаря занимаемым мной военным должностям я смог совершить большое количество восхождений в различных странах. Мне было 42 года.

Врачом экспедиции был 27-летний Майкл Уорд, являющийся одновременно прекрасным альпинистом. Он первый два года назад высказал мысль о разведке южных подступов к Эвересту и сам принял в ней участие. Неся главную ответственность за здоровье всего нашего большого каравана, он в то же время мог оказаться наиболее полезным в качестве запасного члена штурмовой группы.

Состав нашей экспедиции, по общему мнению, был велик. Это логически вытекало из наших планов, о которых я коротко скажу в дальнейшем. Наш коллектив был впоследствии еще увеличен присоединением к нему двух участников по рекомендации Научно-исследовательского совета по вопросам медицины и кинокомпании «Каунтримен филмс». Первым из них был Гриффит Паф, физиолог, работавший в Отделе физиологии человека этого совета и имевший большой опыт в области так называемой «горной физиологии». Во время войны он работал в данном направлении в Средневосточной военной школе горной и лыжной подготовки в Лебаноне; позднее им были проведены ценные исследования во время экспедиции на Чо-Ойю. Еще до этого Паф имел уже некоторый опыт восхождений и, кроме того, был отличным лыжником. Вторым прикомандированным к нам участником был Том Стобарт, который должен был снимать фильм о работе экспедиции. Обладая высокой квалификацией в своей области, он уже бывал ранее в Гималаях, а также сопровождал различные экспедиции в Антарктику, Африку и Северный Квинсленд.

Присоединение этих двух участников вызвало в Объединенном комитете серьезную дискуссию. Вопрос рассматривался с чисто принципиальной точки зрения, не затрагивая персонального выбора. Было очевидно, что чем многочисленнее состав экспедиции, тем труднее будет для ее руководителя создать и сохранить чрезвычайно важное единство стремлений. К тому же эти трудности возрастают, когда в экспедицию включаются новые участники, задачи которых отличны от задач остального коллектива. В то же время нельзя отрицать того вклада, который в прошлом внесли в решение проблемы Эвереста физиологические исследования, причем в этой области многое еще оставалось неясным. В конце концов было решено, что включение в экспедицию физиолога можно рассматривать как дополнительную гарантию, ибо необходимость дальнейших попыток восхождения в будущем была вполне вероятной. Что касается Стобарта, то было очевидно, что новая экспедиция на Эверест вызывала гораздо больший интерес, чем когда-либо ранее, и комитет считал, что создание фильма является, пожалуй, наилучшим способом ознакомить широкие круги населения с историей экспедиции. Кроме того, необходимо было, конечно по возможности, окупить расходы экспедиции, и заключение контракта с кинофирмой оказало бы значительную помощь в этом деле. В действительности же и Паф и Стобарт прекрасно подошли к нашему коллективу и во многих отношениях способствовали успеху экспедиции.

Таким образом, в итоге нас оказалось тринадцать человек. Мы старательно избегали всяких упоминаний об этом несчастливом числе, и я почувствовал облегчение, когда через несколько месяцев мне удалось привлечь в экспедицию Тенсинга. Как в этом, так и в других отношениях его присоединение к нам должно было принести удачу. Его появление в экспедиции на Эверест будет описано ниже.

В добавление к основному составу экспедиции я предложил комитету пригласить нескольких запасных участников, значившихся в последнем коротком списке. Эти альпинисты, как и многие другие, были настолько увлечены желанием содействовать успеху экспедиции, что охотно помогали нам в подготовительных работах. Кроме того, если бы оказалось, что в последний момент кто-либо из основных участников не сможет в надлежащее время выехать в экспедицию, мы имели бы возможность немедленно заменить его хорошо нам известным кандидатом. Этими запасными являлись Д. Х. Эмлайн Джонс, Джон Джексон, Энтони Ролинсон,

Хемиш Никол и позднее Джек Такер. Нас глубоко волновал и вдохновлял пример этих бескорыстных энтузиастов, которые с жаром взялись за работу, несмотря на то, что их заветные мечты были далеки от осуществления и они находились все время в состоянии мучительной неизвестности.

Прежде чем представить мои рекомендации комитету, мне посчастливилось воспользоваться содействием лорда Хордера, любезно предложившего лично проверить всех участников с точки зрения их общей пригодности к экспедиции. Участников некоторых предыдущих экспедиций заставляли проходить специальные строгие испытания, чтобы проверить, способны ли они успешно подниматься на большие высоты. Однако на основании личного опыта по прохождении такого испытания я был убежден, что оно может привести к совершенно неверным выводам. Единственно правильной проверкой приспособляемости к высоте являются сами горы. Значительную ценность имело для нас авторитетное суждение лорда Хордера о моральных и физических качествах проверенных им участников экспедиции.

Фото 1. Эверест с юго-запада.

В правом нижнем углу видна долина Кхумбу и ледник. Нижний конец ледопада находится в том месте, где ледник Кхумбу резко поворачивает вправо. Западный цирк частично скрытый облаком, поднимается к подножью крутой стены в его верховьях. Это стена Лходзе. Вершина Лходзе видна в правом верхнем углу. Понижение между вершинами Лходзе и Эверестом – Южная седловина.

Фото 2а. Группа восхождения. Джон Хант

Фото 26. Группа восхождения. Эдмунд Хиллари

Фото 2 в. Группа восхождения. Тенсинг

Фото 2 г. Группа восхождения. Чарльз Эванс

Фото За. Группа восхождения. Джордж Лоу

Фото 36. Группа восхождения. Уилфрид Нойс

Фото 3 в. Группа восхождения. Джордж Бенд

Фото 3 г. Группа восхождения. Альфред Грегори

Фото 4а. Группа восхождения. Том Бурдиллон

Фото 46. Группа восхождения. Чарльз Уйли

Фото 4 в. Группа восхождения. Майкл Уэстмекотт

Фото 4 г. Группа восхождения. Майкл Урд (врач экспедиции)

Фото 5а. Группа восхождения. Гриффит Паф (физиолог)

Фото 5б. Группа восхождения. Том Стобарт (фотограф)

Фото 5 в. Группа восхождения. Джемс Моррис (корреспондент газеты «Таймс»)

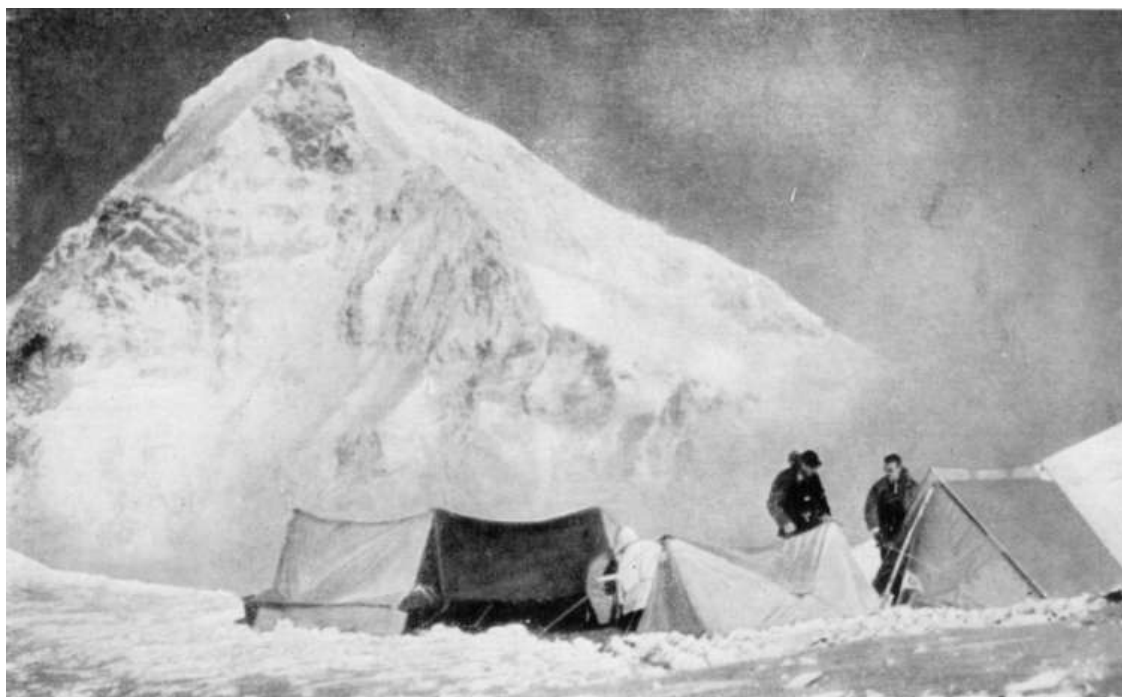

Фото 6. Испытание альпинистского снаряжения, декабрь 1952 г. Лагерь на Юнгфрау-Иох. На заднем плане – Мёнх.

Фото 7а. Испытание кислородного снаряжения в Северном Уэльсе, январь, 1953 г. Уэстмекотт с кислородным снаряжением и Ролинсон. На заднем плане видна скальная вершина Трайфен.

Фото 76. Испытание кислородного снаряжения в Северном Уэльсе, январь, 1953 г. Хант с кислородным аппаратом открытого типа. На заднем плане Бурдиллон.

Фото 8а. Наши шерпы. Аннулу

Фото 8б. Наши шерпы. Дава Тхондуп

Фото 8 в. Наши шерпы. Да Тенсинг

Фото 8 г. Наши шерпы. Тхондуп

Фото 8д. Наши шерпы. Да Намгьял

Фото 8е. Наши шерпы. Анг Ньима

Одновременно с подбором личного состава необходимо было также начать составление плана и подготовку экспедиции.

Я надеюсь, что после прочтения предыдущей главы читателю стали ясны те задачи, которые предстояло нам решить. Изучение этих задач привело нас к определенным выводам в отношении наших планов на следующий год. Сущность этих выводов может быть изложена следующим образом:

Во-первых, необходимо выделить время для тренировки перед самым восхождением на Эверест. В течение этого периода тренировки мы должны были постепенно приспособиться к тем высотам, на которые возможны восхождения в начале года, а также привыкнуть к нашему снаряжению. Одновременно такая тренировка должна была служить для каждого из нас прекрасным средством сработаться между собой и привыкнуть друг к другу.

Во-вторых, так как мы должны были рассчитывать на то, что любой промежуток хорошей погоды перед муссонами будет непродолжительным, то нам было очень важно находиться во

всех отношениях в полной готовности к штурму с того момента, когда, судя по опыту прошлых лет, можно было всего вероятнее ожидать хорошей погоды. По всей видимости, это должно было начаться с середины мая.

В-третьих, важно было, чтобы экспедиция провела на Эвересте лишь столько времени, сколько необходимо для восхождения. В прошлом штурмовые группы страдали не только от все возрастающей вялости или изнурения, появляющихся на больших высотах, но также и от напряженной и утомительной работы в нижней части пути, протекавшей в тяжелых и неблагоприятных условиях. Другими словами, мы должны были избежать слишком ранних походов и в то же время быть в полной готовности в надлежащее время и в надлежащем месте. Для этого необходимы точный расчет времени, правильный анализ обстановки и, сверх того, определенный элемент удачи.

В-четвертых, мы должны были в полной мере использовать шансы, представляемые нам благоприятными условиями снежного покрова, ветра и погоды. Надо было иметь в соответствующее время и в надлежащем месте достаточно альпинистов, снаряжения и питания, чтобы произвести две, а при необходимости и три попытки штурма, каждая из которых была бы полностью обеспечена и людьми и снаряжением. Отсюда следовало, что состав экспедиции должен быть достаточно велик и что мы должны предусмотреть все необходимое для трех серьезных попыток штурма. В дополнение к этому очень важно было быть настолько подготовленными и снаряженными, чтобы такие попытки были произведены сравнительно быстро. А для этого требовались хорошая тренировка группы и легкое снаряжение.

В-пятых, мы должны были рассчитывать, что размеры кислородного питания будут зависеть от нашей способности перенести запасы кислорода. Нам необходимо применять его во время движения, а для того чтобы предотвратить или задержать истощение организма в высотных лагерях, мы вынуждены будем использовать его на период штурма и ночью, надевая кислородные маски на время сна.

Наконец, нужно было учесть обстоятельства, препятствующие доставке в Западный цирк и выше большого количества грузов, недостаток которых затруднил бы намечаемую поддержку штурмовых групп. Этими обстоятельствами, по-видимому, являлись: опасность пути по ледопаду и в связи с этим стремление уменьшить по возможности количество рейсов на этом участке; вес поклажи, которую наши носильщики шерпы были в состоянии переносить на разных высотах; количество достаточно квалифицированных носильщиков, обладавших к тому же необходимой силой воли для решающей заброски на Южную седловину и, наконец, длительность периода удовлетворительной погоды, необходимой для окончания заброски грузов.

На основании результатов тренировочной экспедиции 1952 г. и опыта швейцарских экспедиций на Эверест в том же году, нами были сделаны также важные выводы относительно режима питания. Я не останавливаюсь на этом вопросе в настоящей главе, так как этому посвящено приложение III.

На основании этих выводов и ряда общих положений родился теоретический план штурма. Может показаться бессмысленным разрабатывать в Лондоне планы для того отдаленного времени, когда будет сделана решающая попытка достижения вершины Эвереста. Однако только путем составления такого рода планов и тщательного рассмотрения многих деталей, только на основе предположений, учитывающих неблагоприятное сочетание обстоятельств, мы могли установить численность экспедиции, количество продуктов, снаряжения и, в особенности, кислорода, необходимых для успешного достижения нашей цели. Фактически нам нужно было постараться уже в октябре 1952 г. предусмотреть максимальные потребности экспедиции, определяемые различными препятствиями и неблагоприятными обстоятельствами, с таким расчетом, чтобы совершить восхождение на Эверест в мае – июне 1953 г. Такой «план» носил всецело теоретический и предположительный характер; он ни в коей мере не предопределял какой-либо определенной тактики, которой мы должны были бы придерживаться при восхож-

дении. Подобная тактика должна и могла быть выработана лишь значительно позже, непосредственно на месте действия. Правильнее было бы сказать, что нами был составлен не план, а лишь та основа, на которой впоследствии могли возникнуть многие детальные планы, как, например, окончательный подбор состава экспедиции, разработка конструкции кислородной аппаратуры и планирование необходимых запасов кислорода, заказы продовольствия, палаток, альпинистского снаряжения и множества других предметов. Первый вариант такого документа под названием «Основы плана», предназначенный для тех, кто был непосредственно связан с подготовкой экспедиции, появился примерно в середине октября. Пересмотренный и улучшенный вариант был роздан в начале ноября, когда состав экспедиции был уже подобран и каждый из участников, руководствуясь этим документом, мог приступить к выполнению приходящейся на его долю задачи. Этот документ представляет определенный интерес для сравнения предполагаемого хода событий и потребностей экспедиции с теми, которые имели место в действительности.

На основе этого документа я смог, во-первых, решить вопрос о количестве альпинистов и носильщиков. Исходя из предположения, что окажется необходимым трижды повторить штурм группами в два человека, и учитывая, что другие должны на меньшей высоте выполнять вспомогательную роль, мы пришли к выводу, что общее число восходителей должно равняться десяти. После подробного расчета веса грузов, которые должны быть перенесены в Западный цирк, и тех, которые нужно было поднять по склону пика Лходзе к Южной седловине, мы определили число шерпов, необходимых для восхождения, в тридцать четыре. Из них четырнадцать должны были работать на ледопаде – переносить грузы к нижнему краю Западного цирка; другие четырнадцать предназначались для транспортировки этих грузов выше, в глубину цирка, до лагеря, получавшего название «Передового базового лагеря». Отсюда, по опыту швейцарцев, мы считали целесообразным начинать проведение штурма. Остальные шестеро шерпов, как мы предполагали при составлении плана, должны были по двое сопровождать каждую штурмовую группу от Передового базового лагеря к седловине и выше по вершинному гребню.

История гималайских экспедиций показывает, что каждый раз попытки штурма вершины не доводились до конца также из-за упадка сил участников. При таком большом количестве участников экспедиции, объединенные усилия которых были необходимы для достижения поставленной цели, я считал, что в ее состав обязательно нужно включить врача, который одновременно был бы и альпинистом. Поэтому, приглашая Майкла Уорда в наш коллектив, я дал ему понять, что его основной обязанностью должна быть забота о нашем здоровье и что в случае необходимости ему придется послужить весьма полезным резервом для штурмовой группы. Майкл без колебаний согласился на такую роль.

Восхождение предполагалось разбить на два этапа: первый из них – транспортировка грузов из Базового лагеря, по всей вероятности, от подножья ледопада Кхумбу вверх в глубину Западного цирка и потом к Южной седловине, второй – непосредственный штурм вершины. Первый этап, названный нами периодом «организации лагерей», должен был занять, по нашим расчетам, около трех недель. Задача доставки на седловину необходимых грузов была так трудна и успешное решение ее зависело от стольких непредвиденных обстоятельств, что мы не пытались более точно определить необходимое для этого время. При составлении плана штурма мы исходили из того, что лишь третья попытка штурма будет успешной, а также учитывали частично непредвиденные затруднения и неблагоприятные условия погоды. В то же время, однако, мы оптимистически оценивали скорость продвижения хотя бы одной из трех штурмовых групп. При этих условиях длительность штурмового периода определялась нами равной семи дням, считая с момента выхода из Передового базового лагеря до благополучного возвращения всех групп.

В этих наметках плана также определялось количество лагерей, которые должны быть установлены на пути к вершине; выяснено, каков будет их меняющийся контингент во время первоначального и штормового периодов и, следовательно, количество и тип палаток, требующихся для каждого лагеря в каждый из этих периодов. Наиболее важными ввиду объема подготовительных работ, связанных с этим вопросом, были расчеты и мероприятия, принятые в отношении использования кислорода. Практика применения кислорода подробно освещена в приложении II. Здесь я хочу лишь указать, что окончательное решение этого вопроса было крайне срочным для тех, кто занимался проектированием аппаратуры, и уже 14 октября, всего через шесть дней после моего приезда из Германии, мне было предложено представить свой предварительный план на собрании Высотного комитета.

Я уже подчеркивал необходимость выделения времени для тренировки и акклиматизации. Помня, что наилучшие условия для достижения вершины Эвереста будут, очевидно, только после середины мая и учитывая время, необходимое для заброски грузов, мы считали, что большая часть апреля должна быть посвящена тренировке. Календарный план экспедиции был составлен с таким расчетом, чтобы вся подготовка в Англии была бы закончена к середине февраля. Совершая переезд до Индии морем, мы должны были достичь ближайших подступов Эвереста к концу марта, так что в нашем распоряжении оставалось еще не менее трех недель для тренировки до начала восхождения. Ради интереса и разнообразия, а также потому, что в это время года еще рано предпринимать попытки восхождений на высоты более 6000 м, тренировку предполагалось осуществить в долинах южнее Эвереста, где встречается много более низких вершин и перевалов.

В процессе составления плана я советовался с участниками предыдущих экспедиций на Эверест и прежде чем закончить «Основы плана» направил их для критического рассмотрения некоторым из этих участников. Из многих дельных советов мне особенно запомнились слова Нортон: «Вся история гималайских восхождений, как мне кажется, подчеркивает то обстоятельство, что попытки штурма производились из лагеря, который был расположен недостаточно высоко. Штормовые группы терпели поражение, пытаясь пройти слишком длинный путь в последний день... Старайтесь установить ваш штормовой лагерь на Южном пике или непосредственно под ним. Учитывая, что выше Южного пика предстоит вырубить значительное количество ступеней, я никогда не смогу серьезно надеяться на успех экспедиции, если штормовой лагерь не будет расположен на такой высоте...» Эти слова, подкрепленные советом, который дал мне Лонгстаф – принять на свою личную ответственность организацию такого лагеря, – не выходили у меня из головы до того дня, когда этот лагерь был установлен.

Как только «Основы плана» были разработаны и состав экспедиции подобран, подготовка, которая уже велась достаточно интенсивно, пошла полным ходом. Об этой подготовке я расскажу в следующей главе.

Глава IV

ПОДГОТОВКА. ВТОРОЙ ЭТАП

Наступил период напряженной и волнующей деятельности. Для того чтобы в ходе подготовительной работы не упустить ни одной детали и согласовать все мероприятия, был составлен единый тщательно координированный календарный план; это постепенно подводило нас к знаменательному событию – погрузке багажа на борт корабля, идущего в Индию. Впервые мне удалось собрать всех членов экспедиции 17 ноября, и потом вплоть до отплытия мы встречались почти каждый месяц. С самого начала стало ясно, что в лице сотрудников экспедиции мы имели талантливых организаторов, способных позаботиться о всех видах снаряжения, которое мы предполагали использовать в нашем единоборстве с Эверестом. Обязанности по заказу и получению разнообразного снаряжения и продуктов питания были равномерно распределены между участниками штурмовой и вспомогательной групп. Разделив все эти заботы между большим числом способных и преисполненных энтузиазма людей, я испытал чувство огромного облегчения: теперь темпы наших приготовлений будут нарастать.

Чарльзу Уайли, проделавшему сложную работу по обеспечению экспедиции необходимым снаряжением, было поручено общее руководство всеми подготовительными работами. Заботы об альпинистском снаряжении взял на себя Энтони Ролинсон, которому помогал Уилфрид Нойс; на последнего была возложена ответственность за снаряжение во время восхождения. Эмлайн Джонс вместе с Ральфом Джонсом, молодым способным альпинистом, добровольно согласившимся помочь в работе по снаряжению экспедиции, взяли на себя заботы по обеспечению участников одеждой; позднее, когда мы отплыли из Англии, эти заботы перешли к Чарльзу Эвансу. Майклу Уэстмекотту, обладавшему ценным опытом службы в инженерных войсках, была передана уже начатая работа по обеспечению экспедиции специальным снаряжением, требующимся для организации переправ и передвижения по особо трудным участкам; он также согласился заняться палатками. Джорджу Бенду, который недавно закончил свой срок службы в войсках связи, была, конечно, поручена радиоаппаратура. Его уговорили также вместе с Гриффитом Пафом взять на себя заботы о самом неприятном «детище» – питании; Джордж должен был позаботиться о том, чтобы мы регулярно получали прогнозы погоды от Индийской метеорологической службы в Алипоре. Мы связались с Всеиндийской радиокомпанией и Би-би-си и договорились, чтобы эти прогнозы передавались нам по радио ежедневно, начиная с 1 мая. Том Бурдиллон был уже по горло занят кислородной аппаратурой, состоявшей из опытного прибора закрытого типа, над усовершенствованием которого работал Отдел электро-медицинских исследований в Сток-Мандевилле. Я телеграфировал Эду Хиллари, прося его, несмотря на то, что он находился далеко, позаботиться о спальнях мешках; одновременно я также попросил его, когда экспедиция тронется в путь, взять на себя заботу о кухонном оборудовании. Пока же забота об этом очень важном вопросе падала на известного гималайского восходителя К. Р. Кука, а моя жена взяла на себя обеспечение экспедиции всем необходимым для кухни. Заботы по перевозке экспедиции и обеспечению ее фотопринадлежностями были возложены на Альфреда Грегори. Чарльз Уайли, помимо секретарской и координационной работы, должен был позаботиться о носильщиках шерпах; а во время экспедиции он будет начальником транспорта. Майклу Уорду было, конечно, поручено обеспечение экспедиции медицинским инвентарем и медикаментами. На долю Эмлайна Джонса, Ральфа Джонса и моей жены пал несчастливый жребий – позаботиться о целом ряде самых разнообразных вещей. Но если у вас сложится впечатление, что, возложив все эти заботы на плечи других, я остался без работы, то я должен решительно разуверить вас в этом, ибо предстояло сделать еще очень и очень многое.

Так в общих чертах распределялись обязанности на подготовительном этапе, однако я должен добавить, что в середине ноября в основном многое было уже сделано под руководством указанных выше лиц. Подготовка продовольствия и кислородной аппаратуры была уже обеспечена. Со времени моего возвращения в Лондон Гриффит Паф занимался разработкой вопросов пищевого режима.

Что же касается кислородной аппаратуры, то тут положение еще в начале октября было далеко не благополучным. Для успеха нашей экспедиции этот вопрос был настолько важным, что 9 октября Объединенный Гималайский комитет по моему предложению взял на себя заботы по своевременному обеспечению экспедиции достаточным количеством приборов. Члену комитета Питеру Ллойд, участнику экспедиции на Эверест в 1938 г., был поручен контроль над усовершенствованием и конструированием кислородных приборов открытого типа – системы, на которой в основном было решено остановиться, и он отвечал перед комитетом за выполнение этой задачи. Он был вполне подготовлен к этой работе, обладая профессиональной квалификацией, а также и опытом, приобретенным во время экспедиции Тильмана, в которой он нес ответственность за кислородную аппаратуру, применяя ее постоянно вплоть до наивысшей достигнутой экспедицией точки. К середине октября Ллойд уже вплотную занялся этим вопросом; он координировал деятельность различных фирм, изготавливавших отдельные детали к кислородным приборам и баллонам, и поддерживал связь с консультирующим его Высотным комитетом, возглавляемым профессором Брайеном Меттьюсом, знаменитым кембриджским физиологом. Я заручился согласием Альфреда Бриджа, участвовавшего в восхождениях со мной и с некоторыми другими участниками нашей экспедиции, уделить часть своего времени для технической помощи Ллойд в этой работе первостепенной важности. Для тех из нас, кто знал этого ветерана альпинизма, его участие в подготовке нашей экспедиции было большим событием. Энтузиазм Бриджа, его огромная энергия и целеустремленность, более того, его способность вдохновлять других своим примером совершенно исключительны. Я знал, что Альфред Бридж ни за что не успокоится до тех пор, пока наш груз кислорода не будет отправлен. С вступлением Бриджа в ряды наших активных помощников мы могли больше не беспокоиться о кислороде. Итак, под мудрым и умелым руководством Питера Ллойда, с помощью Менсфорта, сотрудника фирмы «Нормалэйр», Роберта Девиса из фирмы «Сиб Гормен» и Джона Коутса из организации по изучению пневмокониоза в Кардиффе, на которого была возложена ответственность за изготовление кислородных масок для нашей экспедиции, а также благодаря ценным и опытным советам Брайена Меттьюса и помощи возглавляемого им комитета мы должны были быть хорошо обеспечены этим необходимым видом снаряжения.

Помимо обычного альпинистского снаряжения: тысяч метров веревки и шнура, крючьев, карабинов, ледовых молотков и ледорубов – мы взяли с собой и некоторые необычные предметы, которыми, учитывая трудности, с какими столкнулись швейцарцы на ледопаде и склоне Лходзе, стоило дополнить наше снаряжение. Мы знали, что, кроме трещин альпийских размеров, на нашем пути могут встретиться широкие расселины и вероятнее всего там, где ледяная поверхность Западного цирка круто падает, переходя в ледопад Кхумбу. В этом месте швейцарцы устроили переправу через одну из таких расселин при помощи веревок, так как достать в ближайшей долине бревна нужной длины было невозможно. Один комплект веревок был использован ими при переправе альпинистов и носильщиков так называемым «тирольским способом», а другой – для переправы грузов. Для преодоления препятствий подобного рода мы взяли с собой легкую металлическую разборную лестницу, длиной 9 м, состоящую из пяти звеньев 1,8 м. длины. Ее переноска и сборка не требовали больших усилий и, в случае надобности, ее можно было передвигать с одной трещины на другую. Действуя таким образом, мы бы только использовали методы, которые применялись на заре альпийских восхождений. Клуб «Йоркшир ремблерс» (Йоркширские бродяги) подарил нам девятиметровую веревочную лестницу для преодоления отвесных ледовых стен.

Еще в Лондоне, во время обсуждения с друзьями вопросов организации переправ через трещины, была высказана мысль о возможности конструирования своеобразной катапульты, выбрасывающей веревку с якорем, который крепко вонзался бы в лед на другой стороне трещины. Это предложение послужило основанием для интересного эксперимента, проведенного на небольшом участке в саду при Королевском Географическом Обществе. Приспособление было чрезвычайно простым: две рукоятки на обоих концах эластичной веревки, скрученной из нескольких резиновых нитей. Якорь имел зловещий вид и представлял собой большое деревянное ядро со множеством изогнутых крючков. К нему был прикреплен длинный нейлоновый шнур. Наблюдая за тем, как производивший опыт специалист разматывал шнур метр за метром, я выразил опасение по поводу радиуса действия этого орудия, так как было вытравлено уже около 140 м, а сад имел длину всего 70 м. Получив заверение, что все будет в порядке, мы с Чарльзом Уайли взяли за рукоятки и заняли места на расстоянии двух метров друг от друга; демонстратор натянул резиновую веревку позади нас и прикрепил к ней снаряд. В момент, когда натяжение достигло такой силы, что мы едва удерживались на ногах, метательный снаряд был пущен. Он взвился высоко в воздух, увлекая за собой нейлоновый шнур, и с большой скоростью пролетел над оградой сада, направляясь к улице Эксибишн-Род, где почти наверняка угодил бы в такси или какого-нибудь ничего не подозревающего прохожего. К счастью, от этой беды нас спасло дерево, которое остановило полет снаряда на высоте около 15 метров над землей. В итоге мы пришли к выводу, что на знаменитом ледопаде Кхумбу или в Западном цирке нам вряд ли встретятся какие-либо неожиданные препятствия, требующие применения подобных орудий.

Однако в целях предохранения от опасных снежных обвалов, особенно на склоне Лходзе, мы решили взять с собой для бомбардировки лавиноопасных склонов двухдюймовую мортиру, предоставленную нам в пользование Военным министерством. Это маленькое орудие очень забавно стреляет, производя при выстреле непропорционально сильный для своих размеров грохот, поэтому мы считали, что оно будет в состоянии вызвать снежные лавины в радиусе нескольких миль вокруг. Возможно, что в этом вопросе на нас с Чарльзом Уайли оказала влияние наша профессия, но мы знали, что подобные орудия применяются для тех же целей и в Альпах. Каковы бы ни были достоинства этого орудия, переполох, который наше предложение вызвало в высших сферах при попытке получить на него разрешение, чуть было не заставил нас отказаться от мортиры. Позднее же, когда наше снаряжение пополнилось еще двумя нарезными ружьями, калибра 22 (5,59 мм), предназначавшимися для пополнения наших запасов свежей дичью, нас серьезно заподозрили в искренности действительных мотивов посещения Непала.

Тщательно был рассмотрен, но в итоге отвергнут ряд других вспомогательных средств, которые должны были бы содействовать нашему успеху. Трудности передвижения по крутому склону Лходзе и переброски грузов на Южную седловину в количествах, которые мы считали в то время необходимыми, делали для нас очень соблазнительной мысль взять с собой легкие сани и лебедку, позволившие бы поднять грузы немного выше вверх по склону. От этой идеи мы вынуждены были отказаться, так как обеспечить двигатель горючим и поддерживать нормальную его работу было бы трудно, и лебедку пришлось бы вращать вручную; к тому же мы не имели никакой уверенности в том, что характер местности позволит нам воспользоваться санями. С некоторым сожалением нами было отвергнуто и другое предложение, весьма оригинальное, но едва ли осуществимое. Некий изобретатель-самоучка предложил проект гарпуна, приводимого в действие пружиной, который одновременно служил бы и ледорубом. Направленный с Южной седловины снаряд позволил бы забросить крюк с веревкой на невидимую отсюда вершину Эвереста, находящуюся на расстоянии около 1600 м, с разницей высот более 900 м. Вдобавок ко всему, прочная веревка, держась за которую мы смогли бы легко подняться на вершину, должна была быть окрашена светящейся краской, чтобы обеспечить продвижение

в темноте. Развивая свой фантастический проект, наш изобретатель отмечал, что вибрации веревки, предупреждая нас об опасных порывах ветра, дадут нам время лучше застраховаться, чтобы не быть сдутыми с вершинного гребня.

Обмундирование, палатки и спальные принадлежности были предметом нашей особой заботы. Действие холода, усиленное ветром и высотой, не ограничивается травмами, вызванными обмороживанием, как бы они ни были серьезны сами по себе. Холод и ветер изнуряют тело и отрицательно сказываются на моральном состоянии восходителя. С того времени, когда альпинисты в шерстяных костюмах, фетровых шляпах и обычных горных ботинках сумели впервые добраться до верхних подступов северного склона Эвереста, было много сделано для усовершенствования высокогорного обмундирования, чтобы оно стало надежной защитой от холода. Однако множество фактов свидетельствует о том, что и последующие экспедиции, вплоть до недавнего времени, испытывали чрезвычайные трудности, а их участники подвергались обмороживаниям из-за отсутствия соответствующей одежды. Разрешение этой трудной задачи осложнялось необходимостью уменьшить вес обмундирования до минимума. Мы посетили Арктический исследовательский институт в Кембридже, где получили немало ценных указаний и полезных советов. Кроме того, мы воспользовались услугами многих английских и иностранных фирм.

В итоге наше обмундирование не отличалось от обычных образцов; серьезным усовершенствованиям подверглись лишь покрой и качество материалов. Наша верхняя одежда была сшита из ветронепроницаемой хлопчатой-нейлоновой ткани; и куртка и брюки были на нейлоновой подкладке. Такой костюм среднего размера весил немного более 1700 г. Куртка была снабжена капюшоном с козырьком для защиты лица от ветра и снега. Под этот ветронепроницаемый костюм на больших высотах восходитель должен надевать другой, пуховый, – брюки и рубашку с таким же капюшоном, как и у верхней куртки. Эта пуховая одежда устраняет необходимость иметь много шерстяных вещей, однако у каждого из нас было по две очень легких шерстяных фуфайки и по плотному свитеру.

Одна из главных трудностей экипировки восходителя в Гималаях заключается в сложности выбора подходящей обуви. Обычные высокогорные ботинки не защищали бы от холода, который проникает в них через подошву и верх; даже на больших высотах снег тает, и обувь, впитывая влагу от ног или от снега или от того и другого вместе, замерзает и становится твердой как камень. Поучительный опыт восхождения на Аннапурну, еще свежий в нашей памяти, убедил меня в необходимости иметь два типа высокогорной обуви, специально утепленной в расчете на максимальную защиту от холода. Обувь первого типа должна отличаться прочностью, а также быть достаточно легкой и удобной для лазания на трудных нижних участках маршрута, включая ледопад Кхумбу. Обувь второго типа рассчитана на применение только в высотной части маршрута и должна надежно предохранять ноги от особо сильных морозов в период штурма. Обувь первого типа весила в среднем 1700 г, по внешнему виду она сильно напоминала обычные альпинистские ботинки, но имела двойной верх из кожи с меховой прокладкой. Чтобы обувь не смерзлась, кожа была подвергнута специальной обработке. Верх специальной высотной обуви был утеплен прокладкой в два-три сантиметра толщиной из «тропала» (спутанная масса капоковых волокон), заключенной между очень тонким слоем лайки и внутренней водонепроницаемой подкладкой. Вместо обычной тяжелой рифленой резины подошва была изготовлена из микропористой резины, значительно более легкой и вдобавок обладающей лучшими изоляционными качествами. Пара такой обуви среднего размера весила около 2 кг.

Не менее сложной была проблема защиты рук. Она усложнялась еще тем, что руками придется выполнять разнообразную работу, как зарядка фотоаппарата, фотосъемка, закрепление кошек и, наконец, что значительно проще, работа с ледорубом. После обстоятельного изучения мы остановились на рукавицах из ветронепроницаемой хлопчатобумажной ткани, под

которые надевались пуховые или шерстяные варежки. Мы заказали и те и другие. Непосредственно на руку надевались просторные шелковые перчатки; как было установлено, последние, давая дополнительное тепло, позволяли, кроме того, на короткое время снимать верхние рукавицы, когда требовалось выполнять руками какую-нибудь тонкую работу.

Помимо выбора материала для палатки, материала действительно ветронепроницаемого, а также по возможности теплого и легкого, мы тщательно рассмотрели вопрос ее конструкции. Во время высотных восхождений наиболее практичны двухместные палатки: они легки, удобны для переноски и их можно установить на ограниченной площадке. Однако мы учитывали и те случаи, когда палатка больших размеров окажется более экономичной, теплой и удобной. Мы принимали во внимание также и то, что наши носильщики шерпы привыкли к скученности и не находят неудобства в том, чтобы спать, разместившись подобно сардинам в коробке.

Стандартным типом палатки для нашей экспедиции была обычная двухскатная палатка на двух человек, имеющая цилиндрический рукавообразный вход с обоих концов, что позволяло соединять рядом стоящие палатки и тем самым обеспечивать внутреннее сообщение между ними. Кроме незначительных усовершенствований в приспособлениях для установки палатки, единственным новшеством был материал, из которого они шились. Проверка свойств хлопчатой-нейлоновой ткани, пропитанной мистолоном, проведенная и в лабораторных и в полевых условиях, показала ее чрезвычайную прочность, ветронепроницаемость и легкость. Эти стандартные палатки типа «Мид» весили около 7 кг.

Чтобы с большими удобствами оборудовать основные лагеря, было решено взять две большие двенадцатиместные шатровые палатки; хотя они были довольно тяжелы – одна весила 50 кг, другая 38,5 кг, – мы все же надеялись поставить одну из них в нашем Передовом базовом лагере. С другой стороны, учитывая, что выше Западного цирка можно будет забросить лишь небольшое количество снаряжения, мы подготовили для штурма вершины три небольшие палатки. Одна из них предназначалась для последнего высотного лагеря на Юго-Восточном гребне. Первая из этих палаток представляла собой уменьшенный вариант обычной палатки типа «Мид», вторая, новой конструкции, была заказана в США, третья, сделанная по проекту Кемпбелла Секорда, имела ромбовидную форму. Каждая из этих трех миниатюрных палаток весила в среднем 3,6 кг. Поскольку и стоимость и вес нашего снаряжения не могли быть сильно увеличены, мы всегда будем испытывать недостаток в палатках при восхождении; поэтому в Лондоне при составлении нашего общего плана пришлось разработать сложную схему передвижения палаток на каждом этапе восхождения.

Спальные мешки были изготовлены частью в Канаде, частью в Новой Зеландии и Англии по моделям, на которых мы остановились после испытаний, проведенных в Альпах. Каждому восходителю полагалось иметь по два пуховых мешка, внутренний и наружный, с нейлоновыми оболочками; общий вес их равнялся примерно 4 кг. Мы надеялись также, что нам удастся улучшить надувные матрацы по сравнению с более ранними образцами. Чтобы холод не проникал через промежутки между внутренними секциями, наполненными воздухом, и чтобы сам матрац был удобнее, секции были расположены в два ряда, причем секции верхнего ряда лежали в углублениях между секциями нижнего. Если нижний ряд секций надуть сильнее, а верхний слабее, то матрац получается очень мягкий, и на нем удобно лежать.

Наша радиоаппаратура имела двоякое назначение: она должна была обеспечивать связь между лагерями в горах и принимать метеосводки. Для первой из этих целей экспедиция располагала несколькими компактными и легкими радиоустановками.

Другим видом снаряжения, которому мы уделили особое внимание, были приборы для изготовления пищи. Одна из основных физиологических особенностей человека на больших высотах – это потребность в довольно большом количестве жидкости. По ряду причин в высокогорных лагерях бывает очень трудно получить воду. Сначала нужно растопить снег. Это

занимает много времени отчасти из-за того, что обычные нагревательные приборы дают мало тепла, причем значительная часть последнего расходуется впустую. Чтобы избежать утечки тепла, все наши примусы и газовые печи, работавшие на бутане, были снабжены специальными алюминиевыми кожухами, окружающими кастрюлю, которые изобрел мой друг К. Р. Кук.

Вопрос о питании оказался наиболее спорным. Поскольку он освещается очень подробно в приложении, помещаемом в конце книги, здесь я только коротко отмечу, что при обеспечении экспедиции продуктами мы учитывали армейский опыт. В основу мы положили два вида комбинированного рациона; один из них, применяемый сейчас в армии так называемый рацион «Компо», упакованный в пакеты по 14-суточным человеко-рационам, мы предназначали для периода, предшествующего штурму; содержание рациона было приведено в соответствие с нормами питания, рекомендованными Пафом. Штурмовой рацион – небольшой пакет весом 1350 г с суточным питанием на одного человека – специально подобран применительно к особым требованиям в высокогорных условиях; штурмовой рацион предназначался для периода восхождения, на время пребывания в Передовом базовом лагере и выше.

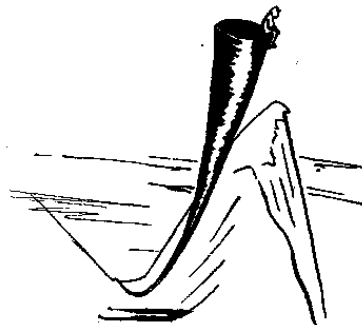
Кислородные приборы описаны в приложении II. К ним предъявлялись два основных требования: легкость и продолжительность действия. Последнее качество в идеале должно было дать возможность избежать или, по крайней мере, свести до минимума случаи перезагрузки аппарата. В основном, как я уже говорил, мы возлагали надежды на уже проверенные аппараты открытого типа. В этом приборе кислород подается из баллона, находящегося за спиной восходителя, через маску, которая допускает вдыхание атмосферного воздуха. При выдохе кислород попадает в окружающую атмосферу. Таким образом при этой системе кислород не сохраняется. После каждого вдоха он улетучивается. То, что мы в такой значительной степени положились на применение кислородных аппаратов и, в частности, усовершенствовали прибор открытого типа, явилось отчасти признанием взглядов, отстаиваемых профессором Джорджем Финчем, который высказывался за применение кислородных аппаратов описанной выше системы с тех пор, как он сам пользовался ими при восхождении на Эверест в 1922 г.

Экспериментальный прибор, сконструированный доктором Бурдиллоном и его сыном Томом, который мы также намеревались взять с собой, представлял собой аппарат закрытого типа; при этой системе восходитель вдыхает все 100% кислорода из аппарата. Атмосферный воздух под маску не попадает или, во всяком случае, не должен попадать. Часть выдыхаемого кислорода поступает обратно и снова используется, что значительно удлиняет срок работы кислородных баллонов и позволяет сократить их количество. Если бы прибор этой системы, пригодность которого для работы на больших высотах тогда еще не была проверена, показал хорошие результаты, он мог бы значительно упростить нашу задачу.

Вес нашего кислородного снаряжения, несмотря на все усилия уменьшить его, продолжал причинять нам большое беспокойство. Мы прекрасно понимали, что после значительных усовершенствований наш аппарат при данном весе был значительно лучше любого другого кислородного прибора, применявшегося в экспедициях на Эверест. Но факт оставался фактом: он был и громоздок и тяжел. В этом ни в коей мере не были повинны ни наши консультанты, ни фирмы, изготовлявшие детали и монтировавшие приборы. Дело просто заключалось в том, что за разрешение этой задачи взялись слишком поздно, чтобы можно было разработать и сконструировать радикально измененную модель. Нельзя не восхищаться той самоотверженностью, с которой работали все, кто имел отношение к этому делу, стараясь к установленному сроку создать прибор, удовлетворяющий нашим требованиям. Очевидно, наши заботы были поняты многими нашими друзьями, которые хотя и не были столь тесно связаны с этой проблемой, но не менее нас желали найти ее разрешение. Мы получили множество всевозможных предложений. К сожалению, значительная часть из них поступила спустя много времени после того, как мы были вынуждены остановиться на принятой нами конструкции кислородного прибора.

Предлагалась, например, очень заманчивая, но едва ли осуществимая идея: вооружиться крупной мортирой и палить с Западного цирка вместо снарядов кислородными баллонами, забрасывая их на Южную седловину. Как мы установили позднее, поверхность Южной седловины была столь тверда, что баллоны любой, конструкции должны были бы при приземлении не только отскакивать, но и разбиваться, не говоря уже о том, что мы были бы вынуждены заняться весьма забавной игрой – охотой за баллонами в высокогорных условиях. Перспектива недолета баллонов, которые в этом случае, набирая скорость, катились бы вниз по тысячеметровой круче обратно к месту выстрела, также нас мало прельщала. Не менее заманчиво было и другое предложение: проложить на всем пути вверх по склону Лходзе и далее по Юго-Восточному гребню трубопровод, по которому из запасов, находящихся в Западном цирке, подавался бы кислород. У отводов, предусмотренных вдоль всего трубопровода, утомленные альпинисты могли бы время от времени останавливаться, чтобы «хлебнуть глоток-другой».

Однако, трезво рассудив, мы решили, что предпочтительней все же нести баллоны на себе, несмотря на всю их громоздкость и тяжесть. Нам также советовали уменьшить тяжесть наших кислородных аппаратов при помощи воздушного шара, наполненного водородом, ровно настолько, чтобы обезопасить себя от обвинений в мошенническом восхождении на вершину по воздуху. Видение штурмующей двойки, на цыпочках поднимающейся вверх, едва касаясь снега, рассеялось, как только мы узнали о чудовищных размерах воздушного шара, необходимого для подъема.

При принятии другого предложения нам пришлось бы облечься в надувные костюмы, в которых поддерживалось бы давление при помощи либо специального механизма, прикрепленного к ноге, либо ветра, вращающего небольшой пропеллер, красующийся на лбу, что позволило бы нам одолеть трудности восхождения по склону Лходзе, имея при этом вид резиновых человечков, известных реклам автошин фирмы «Мишлен». Но от этого предложения нам пришлось отказаться. Более серьезным было предложение перебросить все наше снаряжение, включая кислородную аппаратуру, в район Западного цирка по воздуху. Даже ставился на обсуждение вопрос о заброске снаряжения на Южную седловину. Изучение этого предложения в министерстве авиации показало, что осуществление его связано с большими техническими трудностями. Абсолютной гарантии, что груз будет сброшен удачно, по сути дела, не было, и пришлось бы в любом случае заготавливать двойное количество запасов, если мы не хотели рисковать тем, что они окажутся в Тибете или что нам придется направить нашу энергию на поиски и спасение потерпевшего крушение самолета.

Все наше время с ноября по февраль прошло в непрерывных хлопотах: совещания членов экспедиции, заседания комитетов и подкомитетов, переговоры с многочисленными специалистами, поездки на континент для осмотра снаряжения и для консультации с товарищами по гималайским восхождениям, выступления по радио, писание статей в «Таймс», разборка объемистой кипы ежедневной почты, испытание снаряжения и, наконец, выполнение светских условностей. В первой половине этого периода мы работали в атмосфере все нарастающего волнения и ожидания исхода смелой и мужественной попытки швейцарцев увенчать успехом великолепные достижения их весенней экспедиции. Нас не очень беспокоило то, что швейцарцы первыми возьмут вершину, когда мы уже так далеко зашли в наших приготовлениях, однако было вполне естественным опасаться, что в последний момент мы лишимся шансов испробовать наши силы. Но что действительно нас беспокоило, так это предельные сроки для заказа снаряжения и продовольствия. Была точно установлена дата, к которой все должно было быть завершено, с учетом минимального времени, необходимого как на изготовление, так и на доставку грузов к упаковщикам. Последним, в частности, предстояло до дня отплытия проделать огромную работу. Крайним сроком было назначено 10 декабря. Такое положение было сопряжено для Эверестского комитета с немалым финансовым риском, что вполне естественно беспокоило Р. У. Ллойда, добросовестного казначея комитета.

В начале декабря небольшая группа, в которую, кроме меня, входили Уайли, Грегори и Паф, выехала в Швейцарию в целях испытания некоторых видов нашего снаряжения и продуктов питания. К моменту нашего отъезда все еще не было никаких точных сведений о результатах швейцарской экспедиции, хотя ходило много непроверенных слухов, которые приписывали экспедиции либо победу, либо уже близкий успех. Мы должны были вернуться обратно в Англию к 8 декабря, но, уезжая, сознавали, что все наши усилия могли быть затрачены напрасну. Но это ни в коей мере не уменьшало привлекательности предстоящей репетиции восхождения на Эверест. Мы остановились в Париже на день для того, чтобы обсудить и заказать

снаряжение через Гастона Ребюффа, моего друга и спутника по восхождениям, а также одного из самых восторженных наших помощников на континенте. Гастон – один из выдающихся проводников в Альпах и участник экспедиции на Аннапурну.

В качестве испытательной площадки мы выбрали седловину Юнгфрау-Иох, с которой спускается Большой Аалечский ледник; она находится на высоте 3500 м. в Бернских Альпах. Мы считали, что в середине зимы эта седловина, расположенная между двумя из трех хорошо известных пиков – Эйгер, Мёнх и Юнгфрау, – может выдержать некоторое сравнение с другой седловиной, находящейся в районе нашей будущей экспедиции между тремя другими еще большими горными гигантами. Предположение наше оправдалось. На этой седловине мы нашли как раз те условия, которые требовались для испытания нашего снаряжения.

Была сильная метель, когда после длительного путешествия в поезде, блуждавшем в самых недрах Эйгера, мы очутились на площадке, расположенной над железнодорожной станцией, где в летнее время всегда толпятся туристы. Нам предстояло преодолеть снежную выюгу и разбить небольшой опытный лагерь на гребне Иох. К счастью, от места бивуака нас отделяло всего несколько метров, однако погода была настолько скверной, что установить палатки оказалось нелегким делом. Вокруг бушевала дикая стихия, сметавшая снег с обступающих пиков и окрестных склонов. Мёнх и Юнгфрау были окутаны зловещим облаком. В эту первую ночь температура упала до -20° ; мы считали, что такая температура, вероятно, не ниже той, которую нам придется претерпевать на Эвересте. Мы испытали различные типы одежды, обуви, палаток, спальных мешков и матрацев, приборов для изготовления пищи и продукты питания. Часть снаряжения была взята в чересчур большом количестве для того ограниченного времени, которым мы располагали. Так, у каждого из нас было не менее восьми различных типов высокогорных ботинок. От некоторых образцов нам сразу пришлось отказаться, а остальные мы испытывали по одному дню, надевая на каждую ногу по ботинку различного типа. Варианты одежды, несмотря на различия в покрое и материале, были менее разнообразны, и мы были вынуждены обмениваться ветронепроницаемыми костюмами каждый день, а затем, по окончании испытания, сравнивать наши записи. Точно так же мы, меняясь, поочередно испытывали палатки и спальные мешки.

Два дня из четырех, проведенных на горе Юнгфрау-Иох, стояла ослепительно прекрасная погода, и два дня была буря. В один из таких чудесных дней двое из нас взойшли на Мёнх, с вершины которого можно было видеть всю панораму Альп, не закрытых ни единым облачком. Во второй день большая по составу группа совершила переход на лыжах через ледник Эвиг-Шнефельд и вышла на гребень ниже Грос-Фишерхорна. С самого начала мы условились, что наши собственные силы не должны подвергаться испытанию, так как позднее не раз нам предоставится такая возможность. Поэтому, когда погода становилась совершенно невыносимой, мы покидали наш открытый ветрам маленький лагерь и укрывались в гостинице «Юнгфрау-Иох», где за кружкой пива или чашкой кофе утешали себя мыслями, что только при таких условиях погоды можно сделать правильные выводы о пригодности нашего снаряжения. Опыт этого зимнего путешествия в Швейцарию побудил нас заказать на месте пуховую одежду и договориться об изготовлении в Гриндельвальде специальных кошек для высокогорных ботинок, на которые пал наш выбор.

Вечером, перед нашим отъездом из Юнгфрау-Иох, я получил телеграмму, сообщающую о том, что после нескольких недель, проведенных в условиях ужасной погоды, швейцарцы в конце концов отказались от своей попытки взойти на Эверест. Мы были рады, наконец, узнать, что теперь наша экспедиция состоится, и удовлетворены тем, что пришел конец слишком затянувшемуся периоду неопределенности, которая грозила расстроить нашу экспедицию. Но вместе с тем мы не могли не восхищаться и не сочувствовать замечательным швейцарским альпинистам, особенно тем из них, которые обладали достаточной решимостью и мужеством, чтобы в течение одного года дважды штурмовать вершину Эвереста. Впоследствии, уже при восхож-

дении на Эверест, когда мне пришлось столкнуться с постоянной угрозой перенесения нашей экспедиции на осень, я должен был признать, что это была крайне непривлекательная перспектива. И только тогда я смог в полной мере оценить мужество Шевалле, Ламбера и Тенсинга.

Возвратившись в Лондон, мы в первую очередь подтвердили наши заказы на снаряжение. Для упрощения этой процедуры письма и телеграммы были заготовлены еще перед нашим отъездом из Англии. Затем было созвано очень важное совещание представителей тех фирм, снаряжение которых мы испытали и о котором мы могли теперь высказать свои замечания. За вычетом рождественских праздников у нас оставалось около месяца на то, чтобы все заказанное снаряжение было доставлено к упаковщикам. Крайним сроком для этого было назначено 15 января 1953 г.

В середине января мы отправились в Хелиг, в Северном Уэльсе, где в домике альпинистского клуба собрались все участники и запасные члены экспедиции. Это было великолепным случаем получше узнать друг друга. Погода благоприятствовала нам. Том Бурдиллон хотел также, чтобы мы испытали различные типы станков для кислородных приборов открытого типа. Свои приборы закрытого типа он уже несколько раз испытывал в полевых условиях. С этой целью он и Джордж Бенд в теплый день с приборами за спиной вскарабкались на гору Сноудон по склону со стороны Нент-Гуинента. По словам Джорджа, это требовало большого напряжения и упорства, и я решил попробовать взобраться с аппаратом на небольшое возвышение, однако тут же чуть не изнемог от жары и неудобства. Но Том усиленно старался доказать мне, что его детище ведет себя исправно только при сильном холоде. Нужно признать, что опыты были произведены в необычно солнечный для января день.

В целом же эта совместная вылазка оказалась очень удачной. Я тогда уже почувствовал, а позднее мне и на деле пришлось убедиться в этом, что, когда мы вступим в единоборство с Эверестом, мы без особого труда сработаемся и будем представлять полноценную команду. Я также знал, что у нас в резерве имелись люди, которые могли стать наиболее достойной заменой в случае необходимости.

Тем временем центр подготовительной деятельности постепенно перемещался на склады Эндрю Ласка в Уоппинг-Уолле, где производилась упаковка грузов под умелым руководством Стьюарта Бейна. Начиная с Нового года снаряжение поступало непрерывно, и к установленному сроку почти все было получено. Причины задержек во всех случаях были весьма уважительны, и я могу быть только благодарным всем нашим поставщикам за их удивительно четкую работу. Все оказывавшие нам помощь в наших приготовлениях делали это с большим рвением.

Я попросил Чарльза Эванса, Ральфа Джонса и Уилфрида Нойса уделить некоторое время упаковке, и еще до того, как все наше снаряжение и продовольствие было собрано, они разработали детальный план, чтобы избежать преждевременного вскрытия или пересортировки нашего багажа. Упаковочные ящики были рассчитаны на силы одного носильщика и вмещали 27 кг груза.

На каждом ящике был указан тот пункт нашего пути, в котором его следовало вскрыть. Такая организация упаковки оказалась исключительно ценной, во-первых, потому, что все было точно размечено, во-вторых, потому, что, по крайней мере, два члена экспедиции превосходно знали, где и как найти ту или иную вещь в нашей маленькой горе ящиков. Среди хорошо проведенных подготовительных работ, способствовавших успеху нашей экспедиции, упаковка снаряжения занимала одно из первых мест; эта работа была проделана исключительно хорошо. Здесь я должен упомянуть также и о большой помощи, оказанной моей женой, а также господами Гудфеллоу и Моубрей-Грин, руками которых были пришиты многие сотни именных меток к нашей одежде, что предупреждало путаницу и отсюда возможные недоразумения во время восхождения.

Вскоре после возвращения из Уэльса, где были испробованы станки для кислородных приборов, мы отправились в Фарнборо, чтобы пройти в барокамере экспериментального авиа-

завода кислородные испытания. Я был в это время сильно простужен, и меня не стали подвергать испытанию. Тем не менее я интересно провел время, наблюдая сквозь глазок за очень странным поведением некоторых из моих товарищей по экспедиции, когда с них по очереди снимали кислородные маски в камере, атмосферное давление в которой соответствовало примерно давлению на высоте 8840 м. На Гриффа Пафа было страшно смотреть: с высунутым от недостатка кислорода языком он упрямо старался убедить доктора Джона Котса, изобретателя маски, проводившего испытание, что ему маска больше не нужна. В целом же это был весьма поучительный опыт, показывавший, как это и имелось в виду, насколько коварны приступы аноксии или какое вредное действие на организм оказывает недостаток кислорода.

Кислородное снаряжение пришлось отправлять отдельно, уже после нашего отъезда из Англии. К подготовке его было приступлено настолько поздно, что, несмотря на попытки все подготовить в срок, к 20 февраля была готова только аппаратура, крайне необходимая для тренировочного периода. Мы должны быть благодарны руководству английских военно-воздушных сил, согласившемуся доставить грузы с нашим кислородным снаряжением на попутном самолете в Индию, а также руководству военно-воздушных сил Индии за транспортировку их из Дели в Катманду. Первая партия груза весила 900 кг, вторая партия весом 1350 кг должна была быть послана таким же путем месяцем позже; последняя заключала запасы кислорода, необходимые, по нашим расчетам, для осуществления намеченного по плану восхождения. Я попросил майора Джимми Робертса, офицера гуркской части, обладающего большим опытом восхождений в Гималаях, встретить этот груз в Катманду и препроводить его в Тхьянгбоче. Для того чтобы уложиться в сроки, установленные общим планом, он должен был прибыть туда 15 апреля. Организация отправки была оставлена в надежных руках Альфа Бриджа.

У меня, естественно, было большое желание как можно быстрее встретиться с членами швейцарской экспедиции по их возвращении из Непала. Встреча состоялась 25 января в Цюрихе. Вместе со мной на сутки в этот город приехал и Чарльз Эванс. Нас очень любезно принял Фейц из организации содействия альпийским исследованиям. Там мы встретились с Шевалле, руководителем осенней швейцарской экспедиции, и Раймондом Ламбером, который так высоко поднялся с Тенсингом весной 1952 г. Мы встретились также и с другими членами экспедиции. Они показали нам все свое снаряжение и очень откровенно и великодушно поделились с нами своими знаниями и опытом. Одно обстоятельство имело для нас большое значение и требовало немедленного решения: Ламбер мог приблизительно указать по фотографиям те места, где на большой высоте ими были оставлены заряженные кислородные баллоны. Если бы нам удалось найти их и использовать, то это было бы очень существенным дополнением к нашим собственным запасам. Швейцарцы помогли нам быстро связаться с немецкой фирмой Дрегера в Любеке, которая поставляла им кислородную аппаратуру, и наладить контакт между ней и фирмой «Нормалэйр», монтировавшей наши аппараты. Эрик Менсфорт, глава немецкой фирмы, живо интересовавшийся всеми вопросами, связанными с монтажом нашего штурмового кислородного снаряжения, тотчас же вмешался в это дело и вскоре после поездки Питера Фитта в Любек для нас с замечательной быстротой и очень удачно были изготовлены специальные адапторы. Несколькими месяцами позже мы испытали чувство большой благодарности ко всем, кто имел отношение к этой прекрасно выполненной работе.

С приближением дня отплытия основной группы участников период интенсивной подготовительной работы для нас и наших многочисленных бескорыстных помощников приходил к концу. Нет других документов, которые лучше всего свидетельствовали бы о масштабе проделанной работы, чем опись имущества и список упакованного снаряжения; они являются монументальными документами, подводящими итог нашей работе, в которой труд секретарей занимает не последнее место. Здесь уместно упомянуть о замечательной помощи, оказанной нам нашими секретарями Энн Дебенхем и Элизабет Джонсон, а также о добровольной помощи

Билля Пакарда и Нормана Харди. Упомянем также и Джека Такера, одного из запасных членов экспедиции, который некоторое время замещал Чарльза Уайли.

Но оставалось сделать еще одно дело. Когда весенняя экспедиция швейцарцев потерпела неудачу, они решили как можно скорее снарядить другую экспедицию для второй попытки осенью. Это решение было принято только в июне, и вторая экспедиция прибыла к подножию Эвереста слишком поздно. Когда они обосновались в верхней части Западного цирка, зимние ветры уже с силой обрушились на гору. С этого момента надежд на успех было мало. Они стойко держались, испытывая ужасающие лишения и моральное напряжение, но им так и не удалось подняться на достаточно близкое расстояние от вершины. Мы, как и швейцарцы, получили разрешение непальского правительства на пребывание в районе Эвереста в течение всего года. Объединенный Гималайский комитет решил, что в случае, если мы потерпим неудачу весной, попытка штурма должна быть повторена после периода муссонов. Было ясно, что воспользоваться периодом временного затишья после муссонов удастся только в том случае, если к попытке восхождения осенью подготовка будет идти уже во время пребывания экспедиции в Непале и независимо от ее успеха. Сверх того, на это следовало выделить часть средств.

Поэтому перед тем как выехать в Индию, я снова попытался заглянуть в будущее, стремясь на этот раз определить, сколько потребуется людей и снаряжения для подкрепления нашей теперешней экспедиции, которая после периода отдыха снова принялась бы за штурм вершины. Намечалось количество новых восходителей, необходимые запасы основных предметов снаряжения и продуктов питания, которые должны быть высланы дополнительно, и сроки, к которым мы должны были закончить работу. Всю связанную с этим подготовку взял на себя Эмлайн Джонс, который таким образом заменил Чарльза Уайли на посту секретаря-организатора и должен был стать членом резервной группы.

Когда мне пришлось сообщить ему, что он не поедет с нами, а будет лишь первым в списке участников второй партии, он нисколько не охладел к нашему делу. Великодушие и самоотверженность, с какими он продолжал работать, желая нам успеха и в то же время принимая меры на случай временной неудачи, выше всякой похвалы.

Одним из последних и наиболее волнующих событий накануне отъезда было мое посещение Букингемского дворца вместе с Ллойдом, членом Объединенного Гималайского комитета. Нам было приказано сделать доклад о планах и перспективах экспедиции герцогу Эдинбургскому, который милостиво согласился быть нашим патроном. Для нас большой поддержкой было сознание, что за нашими успехами будет с интересом следить тот, кто так высоко ценит дух предприимчивости и смелых дерзаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.